

ЙЕН КОЛДУЭЛЛ ПЯТӨБЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Колдуэлл прекрасно знает свой Ватикан...
Он погружает нас в чуждый и загадочный мир.
Там рождаются и множатся опасные тайны;
там заключаются сделки за закрытыми дверями;
там могут развязать руки убийце...
Восхитительный лабиринт!

Providence Journal

Annotation

Музеи Ватикана готовят выставку, которая должна стать сенсационной – она посвящена Туринской плащанице и Диатессарону, Пятому Евангелию, считавшемуся утраченным навсегда. Но за неделю до открытия выставки от рук неизвестного убийцы погибает ее куратор, выдающийся ученый, и подозрение падает на его друга и помощника, римско-католического священника. И теперь, чтобы оправдать невинного человека, необходимо разгадать тайну бесценных христианских реликвий – тайну, уходящую корнями в глубь тысячелетий.

Новый мировой бестселлер от автора «Правила четырех»!

Впервые на русском!

Йен Колдуэлл

Пятое Евангелие

© Е. Кисленкова, перевод, 2017

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Мередит. Наконец-то

Две тысячи лет назад из Святой земли вышли два брата, чтобы нести людям Евангелие. Святой Петр отправился в Рим и стал основателем западного христианства. Его брат, святой Андрей, поехал в Грецию и основал христианство восточное. На протяжении нескольких веков церковь, к созданию которой они приложили руку, оставалась единой. Но тысячу лет назад Запад и Восток разделились. Западные христиане стали католиками; их возглавил преемник святого Петра – папа римский. Восточные христиане стали православными. Возглавили их патриархи – преемники святого Андрея и других апостолов. Сегодня это две крупнейшие на земле христианские конфессии. Между ними возникла небольшая группа так называемых восточных католиков, которые стерли все различия, следуя восточно-христианским традициям, но подчиняясь папе.

Действие романа происходит в 2004 году, когда папа Иоанн Павел II высказал свою последнюю волю о воссоединении католицизма и православия. Это история о двух братьях, двух католических священниках – западном и восточном.

Мой сын был слишком мал, чтобы понять идею прощения. Он рос в Риме, и поэтому ему казалось, что прощение заслужить легко – людям достаточно выстроиться у кабин-конфессионалов в соборе Святого Петра и дожидаться своей очереди исповедоваться. Красные лампочки на кабинах то загораются, то снова гаснут, оповещая, что сидящий внутри священник закончил беседу с одним грешником и готов принять следующего. Вряд ли совесть пачкается так же сильно, как посуда или пол, думал мой сын, раз почистить ее можно намного быстрее. Поэтому каждый раз, когда Петрос слишком долго плескался в ванной, разбрасывал по полу игрушки или приходил из школы в запачканных штанишках, он просил о прощении. Раздавал оправдания, как папа – благословения. Первая исповедь моему сыну предстояла лишь через два года, и для этого имелись веские основания. Ребенок еще не понимает, что такое грех. Что такое вина. Покаяние. Священник порой отпускает грехи так быстро, что маленькому мальчику невозможно представить, как трудно ему однажды будет простить собственных врагов. Или близких. Он не подозревает, что добрые люди не всегда могут простить даже сами себя. И что самые суровые ошибки можно искупить, но нельзя вернуть содеянного.

Надеюсь, моему сыну, в отличие от меня и моего брата, такие грехи навсегда останутся неведомы.

Мне на роду было написано стать священником. Священниками служили мой дядя и старший брат Симон, и я надеялся, что однажды по моим стопам пойдет и Петрос. Не припомню времени, когда я жил за пределами ватиканских стен. Петрос также проводит здесь всю свою жизнь.

Для окружающего мира существуют два Ватикана. Один – прекраснейшее место на земле: храм искусства и музей веры. Второй – закрытое общество католиков-мужчин, страна престарелых священнослужителей, которые сурово грозят всем грешникам вечными карами. Казалось бы, эти миры – неподходящее место для ребенка. Но в нашей стране всегда жило много детей – в семьях папских садовников, папских строителей, папских швейцарских гвардейцев. Когда я был ребенком, Иоанн Павел считал, что зарплата должна превышать прожиточный минимум, и поэтому платил надбавку за каждый новый рот в семье. Мы играли в прятки в его садах, в футбол с его служками, в пинбол над сакристией его базилики. Мы нехотя таскались с матерями в супермаркет и универмаг Ватикана, потом с отцами – на ватиканскую заправку и в ватиканский банк. Наша страна не больше поля для гольфа, но у нас были те же занятия, что и у большинства детей. Мы с Симоном прожили счастливое, вполне обычное детство. От прочих ватиканских мальчишек нас отличало только одно: наш отец был священником.

Он относился к греческим католикам, а не к римским, поэтому носил длинную бороду и особую сутану, отправлял не мессу, а божественную литургию, и перед рукоположением ему разрешалось жениться. Он любил говорить, что мы, восточные католики, – посланцы Бога, посредники, которые помогут воссоединить католиков и православных. На самом же деле быть восточным католиком – все равно что стать беженцем на пограничном переходе между двумя враждующими сверхдержавами. Отец пытался не показывать, какое бремя на него налагало это положение. В мире живет миллиард римских католиков, а в нашей, греческой конфессии – всего несколько тысяч, так что он оказался единственным женатым

священником в стране, управляемой монашествующими мужчинами. Тридцать лет остальные ватиканские священники смотрели на отца свысока, а он лишь перекладывал для них бумажки. Только в самом конце карьеры он все же получил повышение, но такое, к которому прилагаются крылья и арфа.

Мать пережила его ненадолго. Рак, сказали врачи. Но что они понимали! Родители встретились в шестидесятых, в то краткое время, когда казалось, что возможно все. Они танцевали вдвоем в нашей квартире. Пережив период неодобрительных взглядов, они до конца жизни горячо молились вместе. Семья матери была римско-католической и уже больше века поставляла церкви священников, успешно взбиравшихся по ватиканской карьерной лестнице. Неудивительно, что, когда мать вышла замуж за косматого грека, семья отеклась от нее. После смерти отца мать как-то сказала мне, что ей странно чувствовать собственные руки – теперь, когда некому взять ее ладони в свои. Мы с Симоном похоронили ее рядом с отцом, позади ватиканской приходской церкви. О том времени я почти ничего не помню. Кроме того, что я день за днем прогуливал школу – вместо нее я отправлялся на кладбище, садился, обхватив колени руками, и плакал. А потом появлялся Симон и уводил меня домой.

Мы были еще подростками, и нас оставили на попечение дяди, ватиканского кардинала. Лучше всего описать дядю Лучо можно так: вставная челюсть, но сердце маленького мальчика. В качестве кардинала – председателя Ватикана лучшие годы жизни Лучо потратил на сведение государственного бюджета и на то, чтобы не дать ватиканским служащим образовать профсоюз. По экономическим соображениям он не хотел финансово поощрять семьи за многодетность, и даже если бы у него было время воспитывать осиротевших сынишек сестры, он бы, наверное, отказался из принципа. Так что он не возражал, когда мы с Симоном вернулись в родительскую квартиру и решили заботиться о себе сами.

Я был еще слишком мал, чтобы зарабатывать на жизнь. Симон на год прервал учебу в колледже и устроился на работу. Ни он, ни я не умели ни приготовить еду, ни зашить дырку, ни починить кран, и Симон всему научился сам. Это он будил меня в школу и давал деньги на школьные завтраки, следил, чтобы у меня была чистая одежда и горячая еда. Премудростям службы министранта я выучился только благодаря ему. Каждый католический мальчик в самые тоскливые ночи своей жизни задается вопросом: стоят ли такие существа, как мы, хотя бы той грязи, из которой Бог создал людей? Но в мою жизнь, в мою тьму Бог послал Симона. Неправильно говорить, что мы вместе пережили трудное детство. Это он пережил, а меня пронес через трудности на своем горбу. Меня так и не покинуло чувство, что долг мой чрезмерно велик и я его не выплачу никогда. Разве что – этот долг мне простят. Для брата я готов был на все, что в моих силах.

Абсолютно на все.

Дядя Симон опаздывает? – спросил Петрос.

Наша экономка сестра Хелена, наверное, подумала о том же, наблюдая, как переваривается хек в кастрюле. Брат должен был приехать десять минут назад.

– Ничего страшного, – сказал я. – Лучше помоги накрыть на стол.

Петрос словно не слышал. Он вскарабкался на сиденье стула, встал на колени и заявил:

– Мы с дядей Симоном пойдем посмотреть кино, потом я в «Биопарко»^[1] покажу ему слона, а потом он меня научит марсельской рулетке.

Стоявшая у плиты сестра Хелена укоризненно покачала головой. Она решила, что марсельская рулетка – это нечто из области азартных игр. Петрос пришел в ужас. Воздев руку и приняв позу волшебника, творящего заклинание, он произнес:

– Это же такой прием ведения мяча! Как Рональдо!

Симон летел в Рим из Турции на выставку, куратором которой выступал наш общий друг, Уго Ногара. До открытия выставки оставалась почти неделя, и планировалось оно как торжественное событие. Я сам бы не добыл билет, если бы не работал с Уго. Но под крышей этого дома мы жили во вселенной пятилетнего мальчишки. Ну конечно же дядя Симон ехал домой именно для того, чтобы давать уроки футбольного мастерства.

– В жизни есть занятия поважнее, чем пинать ногой мяч, – проворчала сестра Хелена.

Она взяла на себя обязанность выступать в качестве голоса женской мудрости. Когда Петросу исполнилось одиннадцать месяцев, моя жена Мона оставила нас. С тех пор эта чудесная старая монахиня помогала мне в нелегком отцовском труде. Ее нам на время одолжил дядя Лучо, в чьем распоряжении была целая армия монахинь. Я с трудом представлял себе, что бы делал без Хелены, ибо мне не по карману нанять даже какую-нибудь толковую девчушку-подростка, не рассчитывающую на серьезное жалованье. К счастью, сестра Хелена так полюбила Петроса, что и сама не оставила бы его ни за что на свете.

Сын скрылся у себя в комнате и вернулся с электронным будильником в руках. С непосредственностью, унаследованной от матери, Петрос поставил часы передо мной и указал пальцем на цифры.

– Солнышко, наверное, поезд отца Симона опаздывает, – попыталась унять его Хелена.

Поезд. А не дядя. Потому что Петросу пока невдомек, что с Симона станет забыть деньги на проезд или заболтаться с незнакомыми людьми. Мона даже отказалась назвать нашего сына Симоном, поскольку считала брата взбалмошным. И пусть он занимал самую престижную должность, на которую может рассчитывать молодой священник, – работал дипломатом в Государственном секретариате Святого престола, считался элитой католического чиновничества! – на самом деле ему требовалась гораздо более напряженная работа. Как все мужчины по материнской линии в нашей семье, Симон был римско-католическим священником, а значит, не мог жениться и заводить детей. И в отличие от прочих ватиканских священников, которым от рождения судилось сидеть за письменным столом и отрачивать внушительный животик, он обладал мятущейся душой. Мона благоразумно хотела, чтобы наш сын пошел в своего надежного, неспешного, довольного жизнью отца. Так что мы с ней, выбирая сыну имя, пошли на компромисс: в Евангелиях

Иисус встречает рыбака по имени Симон и дает ему имя Петр.

Я достал мобильный и отправил Симону сообщение: «Ты далеко?», а Петрос тем временем осмотрел содержимое кастрюли.

– Хек – это рыба! – заявил он ни с того ни с сего.

По возрасту он как раз проходил стадию категоризации. А еще ненавидел рыбу.

– Симону это блюдо нравится, – сказал я Петросу. – В детстве мы его часто ели.

Вообще-то, в детстве была треска, а не хек. Но зарплата одинокого священника позволяет из всего рыбного рынка замахнуться лишь на хека. Да еще, как часто напоминала мне Мона, когда намечался очередной совместный обед, мой брат – на голову выше любого священника в городских стенах и поэтому ест за двоих.

Сейчас Мона занимала мои мысли больше, чем обычно. Приезд брата каждый раз воскрешал мрачные воспоминания об отъезде жены. Эти два человека – магнитные полюса моей жизни; в мыслях об одном всегда незримо присутствовала тень другого. С Моной мы познакомились еще в детстве, за ватиканскими стенами, и встреча в Риме показалась обоим Божьим Провидением. Но нам пришлось ставить телегу впереди лошади: восточные священники должны жениться до рукоположения или не жениться вовсе. Хотя – оглядываясь назад – Моне не помешало бы побольше времени, чтобы подготовиться к семейной жизни. Ноша ватиканской жены нелегка. Жизнь жены священника – еще тяжелее. Мона работала на полную ставку почти до самого рождения нашего голубоглазого малыша. Петрос ел, как акула, а спал гораздо меньше ее. Мона так часто кормила ребенка, что, восполняя силы, нередко оставляла мне пустой холодильник.

Выяснилось все позднее. Холодильник опустел оттого, что Мона прекратила ходить в магазин. Я не замечал, потому что жена к тому же перестала регулярно питаться. Она меньше молилась, реже пела Петросу. Где-то за три недели до первого дня рождения нашего сына она исчезла. В дальнем углу серванта я обнаружил тщательно запрятанный пузырек с таблетками. Врач службы здравоохранения Ватикана объяснил мне, что она пыталась справиться с депрессией. «Нельзя терять надежду», – сказал он. И мы с Петросом ждали, что Мона вернется. Ждали и ждали...

Сейчас Петрос божится, что помнит ее. Но на самом деле эти воспоминания взялись из фотографий, которые он видел повсюду в квартире. Петрос расцветчивал их знаниями, почерпнутыми из телешоу и журнальных реклам. Он еще не заметил, что женщины у нас, в греческой церкви, не пользуются ни помадой, ни духами. К сожалению, выглядело все так, словно он попал в Римско-католическую церковь: во мне он видел одинокого, как будто связанного обетом безбрачия священника. Непростой период самоосознания ему еще предстоял. Но в молитвах мальчик постоянно упоминал маму, а мне рассказывали, что так же делал в юном возрасте Иоанн Павел, когда потерял мать. Эта мысль утешала.

Наконец телефон зазвонил. Я так поспешно рванулся к трубке, что сестра Хелена улыбнулась.

– Алло?

Петрос с тревогой следил за мной.

Я рассчитывал услышать звуки метро или, еще хуже, аэропорта. Но ошибся. Голос на другом конце был еле слышен, звучал откуда-то издалека.

– Си? – спросил я. – Это ты?

Кажется, он меня не услышал. Плохая связь. Наверное, Симон ближе к дому, чем я ожидал: на ватиканской территории сигнал плавал.

– Алекс! – расслышал я.

– Да?

Он снова заговорил, но звук утонул в помехах. Мне пришло в голову, что Симон мог завернуть в Музеи Ватикана, повидаться с Уго Ногарой, который в поте лица ведет последние приготовления к своей грандиозной выставке. Петросу я бы такого никогда не сказал, но это вполне в духе моего брата: по дороге домой найти еще одну душу, нуждающуюся в утешении.

– Си, – сказал я, – ты в музеях?

В углу обеденного стола притих Петрос, терзаемый напряженным ожиданием.

– Он с господином Ногарой? – шепотом спросил сын у Хелены.

Но на другом конце что-то произошло. На меня обрушилось шипение, в котором я узнал порывы ветра. Симон стоял на улице. И по крайней мере – тут, в Риме, где сейчас бушевала буря.

На мгновение звук прояснился.

– Алекс, приезжай за мной.

От его голоса у меня по спине побежали мурашки.

– Что случилось? – спросил я.

– Я в Кастель-Гандольфо. В Садах.

– Что ты там делаешь?! – воскликнул я.

Снова оживился ветер, но микрофон донес другой непонятный звук. Словно брат застонал.

– Алекс, я прошу тебя, – сказал Симон. – Приезжай сейчас же. Я... Я у восточных ворот, под виллой. Надо, чтобы ты добрался сюда раньше полиции.

Мой сын замер, глядя на меня. Бумажная салфетка соскользнула у него с колен и медленно спланировала на пол. Она походила на белую шапочку папы, которую сорвал ветер. Сестра Хелена с тревогой наблюдала за мной.

– Стой там, – сказал я Симону.

И отвернулся, чтобы Петрос не увидел моих глаз. Потому что в голосе брата я услышал то, чего никогда там раньше не бывало. Страх.

Я ехал в Кастель-Гандольфо, навстречу несущейся на север буре. Дождь бесновался, капли прыгали по булыжникам мостовой, словно блохи. Когда я выбрался на шоссе, ветровое стекло звучало как барабан, в который бьют небеса. Автомобили притормаживали и съезжали на обочину. Созвездие красных огоньков на дороге таяло, и мои мысли обратились к брату.

В детстве Симон запросто мог во время грозы полезть на дерево, чтобы снять бездомную кошку. Как-то раз ночью на пляже в Кампанье он на моих глазах заплыл в стаю светящихся медуз, чтобы вытащить на берег девочку, которую унесло течением. Однажды зимой – ему тогда было пятнадцать, а мне одиннадцать – я пошел к нему в сакристию собора Святого Петра, где он служил министрантом. Он обещал отвести меня в город подстричься, но когда мы выходили из базилики, через окошко в куполе, расположенное на высоте около двухсот футов, внутрь влетела птица – до нас донесся глухой звук, с которым она упала на балкон. Симону понадобилось непременно ее увидеть, и мы побежали вверх по всем этим шести миллионам ступенек и очутились перед узким мраморным выступом. Он описывал круг над главным алтарем, и от бездны нас отделял только поручень. На выступе бил крыльями голубь. Он кружился, выкашливая маленькие, темные, как чернила, пятнышки крови. Симон подобрался и взял птицу на руки. И в этот миг кто-то закричал: «Стой! Не приближайся!»

Напротив, опираясь об ограждение, стоял мужчина. И смотрел на нас налитыми кровью глазами. Вдруг Симон со всех ног помчался к нему.

«Синьор, нет! – кричал он. – Не надо!»

Человек занес ногу над ограждением.

«Синьор!»

Даже если бы Бог дал Симону крылья, брат не успел бы. Человек наклонился вперед и отпустил поручень. На наших глазах он пронзал собор Святого Петра, как булавка бабочку. Снизу доносился голос гида: «...бронза украдена из Пантеона...» – а человек все падал, став уже маленьким, размером с ресницу. Наконец раздался крик, и во все стороны брызнула кровь. У меня подогнулись ноги, я сел на пол и не пошевелился до тех пор, пока не подошел Симон и не поднял меня.

Всю жизнь я не мог понять, почему Бог направил птицу в то окно. Может, хотел показать Симону, как это бывает, когда что-то словно утекает сквозь пальцы. На следующий год умер отец, так что, возможно, урок нельзя было откладывать. Но последняя картинка, которая запечатлелась у меня в памяти с того дня, пока рабочие не погнали всех прочь из собора, – это Симон, неподвижно стоящий на балконе с вытянутыми вперед руками. Казалось, он пытается подбросить птицу в воздух, словно это так же просто, как поставить вазу на полку.

В тот день священники переосвятили собор Святого Петра – так делается каждый раз, когда прыгает вниз очередной паломник. Но никто не в состоянии переосвятить ребенка. Две недели спустя наш регент вклеил Симону оплеуху за фальшивое пение, а тот выскочил из ряда и дал регенту сдачи. Целых три дня занятий хора не было, пока мои родители пытались заставить Симона извиниться. До этого он всегда был само послушание. А теперь заявил, что лучше бросит занятия, чем извинится. Отсчет истории нашего с ним взросления я веду

именно оттуда. Весь характер моего брата, насколько я его знаю, вырос именно из этого мгновения.

Десятилетие жизни Симона между поступлением в колледж и началом дипломатической подготовки выдалось для Италии непростым. Бомбардировки и убийства времен нашего детства почти прекратились, но в Риме шли бурные протесты против бессильного правительства, которое увязло в собственной коррумпированности. Во время учебы в колледже Симон ходил со студентами на марши протеста. Когда обучался в семинарии, участвовал в демонстрациях солидарности с рабочими. К тому времени, когда его пригласили на дипломатическую службу, мне казалось, что дни бунтарства уже позади. Но потом, три года назад, в мае 2001 года Иоанн Павел решил отправиться в Грецию.

Это была первая за тринадцать веков поездка папы римского на нашу родину, и наши соплеменники не слишком ему радовались. Почти все греки – православные, а Иоанн Павел хотел положить конец расколу между нашими церквями. Симон поехал, чтобы собственными глазами увидеть, как это произойдет. Впрочем, смысла во вражде мой брат никогда не видел. От нашего отца он унаследовал чуть ли не протестантское пренебрежение к приговору истории. Православные обвиняют католиков в жестоком обращении во всех войнах, начиная с Крестовых походов и заканчивая Второй мировой. На католиков возлагают вину за то, что те соблазнили часть православных христиан уйти от церкви предков к новой, эклектичной форме католицизма. Само существование восточных католиков оскорбляло некоторых православных, а Симон все равно не мог понять, почему его родной брат, грекокатолический священник, отказался ехать с ним в Афины.

Беда прибыла в Грецию раньше Симона. Когда разнеслась весть, что Иоанн Павел собирается ступить на землю эллинов, греческие православные монастыри отзвонили панихиду. Сотни православных вышли на улицы с протестом, неся транспаранты с надписями: «Архиеретик» и «Двурогое исчадие Рима». Был объявлен общенациональный день траура. Симон, который договорился о ночлеге в доме священника при грекокатолической церкви, где когда-то служил отец, приехав, обнаружил, что православные реакционеры исписали всю дверь аэрозольной краской. Вызывать полицию было бессмысленно. Брат наконец понял, какое безнадежное дело ему суждено защищать.

В ту ночь кучка православных радикалов ворвалась в церковь и помешала литургии. Но было жестокой ошибкой с их стороны сдергивать сутану с приходского священника и топтать антиминос – освященный плат, который превращает стол в алтарь.

В брате целых шесть с половиной футов роста, и его стремление защитить слабых и незащищенных только возрастало от понимания того, что он больше и сильнее всех, кто попадает на его пути. Симон едва помнил, как вытолкал православного из святого места, пытаясь спасти грекокатолического священника. Православный же заявил, что Симон швырнул его на землю. Греческая полиция утверждала, что брат сломал ему руку. Симона арестовали. Его новому работодателю – Государственному секретариату Святого престола – пришлось договариваться о немедленном возвращении своего сотрудника в Рим. Поэтому Симону не довелось воочию увидеть, как с подобными враждебными выпадами, только с гораздо большим успехом, справился Иоанн Павел.

Греческие православные епископы говорили с Иоанном Павлом подчеркнуто пренебрежительно. Он не роптал. Его осыпали оскорблениями. Он не защищался. Те потребовали, чтобы он принес извинения за католические грехи многовековой давности. И Иоанн Павел, выступая от имени миллиарда живых душ и неизмеримого числа погибших

католиков, извинился. Православные настолько удивились, что согласились на то, от чего до сей минуты отказывались: встать рядом с ним на молитву.

Я надеялся, что поведение Иоанна Павла в Афинах благотворно повлияло на дальнейшие поступки Симона. Еще один урок, ниспосланный небесами. С тех пор Симон стал совсем другим человеком. Так я твердил себе, пока ехал из Рима на юг, в самое сердце бури.

В отдалении показался Кагель-Гандольфо: длинный холм, возвышающийся над бескрайними полями для гольфа и стоянками подержанных автомобилей, которые тянулись вдоль дороги на юг от предместий Рима. Две тысячи лет назад это были места для увеселения императоров. Папы римские всего несколько веков тому назад стали проводить здесь лето, но этого оказалось достаточно, чтобы земля официально считалась продолжением нашей страны.

Я объехал вокруг холма и увидел у подножия скалы машину карабинеров – итальянских полицейских из участка, находившегося по ту сторону границы. Они покуривали, ожидая, пока отбушует буря. Но там, куда направлялся я, законы Италии не имели силы. Ватиканской полиции под хлещущим дождем я не увидел, и сжавшийся в груди комок начал ослабевать.

Я припарковал «фиат» в том месте, где склон холма опускается в озеро Альбано, и, прежде чем выйти на дождь, набрал номер. На пятом звонке ответил угрюмый голос:

– Pronto^[2].

– Гвидо Маленький? – спросил я.

Тот фыркнул.

– Кто это?

– Алекс Андреу.

Гвидо Канали, сын механика ватиканской электростанции, был моим другом детства. В стране, где зачастую единственное требование для получения места – родство с человеком на той же должности, Гвидо не смог найти себе ничего лучшего, чем ковырять лопатой навоз на папской молочной ферме здесь, на холме. Он вечно ждал каких-нибудь благотворительных раздач. И хотя наши пути с давних пор не пересекались совсем не случайно, сейчас мне самому очень была нужна помощь.

– Уже просто Гвидо, – вздохнул он. – Умер мой старик в прошлом году.

– Соболезную.

– Стало быть, один я остался, из нас двоих. Чем обязан?

– Я тут рядом, и у меня к тебе просьба. Можешь открыть мне ворота?

По его удивленному голосу стало понятно: про Симона он не подозревает. И это к лучшему. Мы заключили уговор: два билета на открытие выставки – Гвидо знал, что я могу их достать через дядю Лучо. Даже последний лентяй и сноб в нашей стране хотел увидеть, что сделал мой друг Уго. Я отключился и пошел по темной тропинке вверх на холм к нашему месту встречи. Ветер усилился и дул с тем высоким свистящим звуком, который я слышал у Симона в трубке.

Я удивился – и поначалу вздохнул с облегчением, – когда не увидел никаких признаков беды. Каждый раз, когда я забирал брата из полиции, он оказывался участником беспорядков. Но здесь – ни жителей, собравшихся в пикет на площади, ни ватиканских служащих, вышедших на демонстрацию с требованием повышения жалованья. Летний дворец папы в северной оконечности городка выглядел заброшенным. На его крыше

поднимались два купола Ватиканской обсерватории, словно шишки, вырастающие на голове персонажей мультиков, которые смотрит по телевизору Петрос. Вокруг настолько спокойно, что все будто вымерло.

Уединенная аллея вела от дворца к папским садам. У ворот я увидел огонек сигареты, прячущейся в чем-то темном кулаке, он крохотным эльфом порхал в темноте.

– Гвидо?

– Времечко ты выбрал для прогулок... – проворчала сигарета и упала в лужу, умирая. – Иди за мной.

Когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что он в точности похож на покойного Гвидо Большого: приплюснутый нос, широкая, как у жука, спина. От физического труда он возмужал. В телефонной книге Ватикана полно людей, которых мы с Симоном знали еще в детстве, но среди них мы чуть ли не единственные священники. У нас здесь кастовая система, и люди с пониманием своей значимости продолжают дело отцов и дедов, натиравших полы или ремонтировавших мебель. Но им наверняка все равно бывает тяжело смотреть, как прежние товарищи по детским играм занимают более высокое положение; вот и сейчас я услышал в голосе Гвидо знакомые нотки, когда тот, открыв металлический замок, показал на свой грузовик и произнес:

– Садитесь... святой отец!

Ворота поставили здесь, чтобы не пускать внутрь случайных людей, а изгороди преграждали путь их взглядам. Вокруг нашей земли с каждой стороны приютилось по итальянской деревушке, но если не знать, то отсюда этого и не разглядишь. Гребень холма, простирающийся на полмили, – личная волшебная страна папы. Его владения в Кастель-Гандольфо больше, чем весь Ватикан, но здесь никто не живет, только несколько садовников и разнорабочих да еще старый астроном-иезуит, который спит днем. Настоящие обитатели этого места – фруктовые деревья в горшках, аллеи пиний и клумбы, величина которых измеряется акрами. И мраморные статуи, что остались после языческих императоров и выставлены в садах, дабы Иоанн Павел улыбнулся, совершая летние прогулки. Отсюда, сверху, вид простирался от озера до моря. Пока мы ехали по грунтовой садовой дорожке, на глаза нам не попалось ни одной живой души.

– Куда едем? – спросил Гвидо.

– Просто высади меня в парке.

– Вот прямо тут?! – удивленно поднял брови Гвидо.

Буря неистовствовала. Снедаемый любопытством от столь необычной просьбы, Гвидо включил радиостанцию, послушать, не болтают ли чего в эфире. Но и она молчала.

– У меня девушка там работает, – сказал Гвидо, оторвав от руля один палец, чтобы показать направление. – На оливковой плантации.

Я не ответил. Днем я бы узнал пейзаж лучше, поскольку водил здесь экскурсии для новеньких, когда учился в семинарии. Но в темноте, под проливным дождем я различал лишь полосу шоссе перед фарами. За всю дорогу до садов нам не попалось ни грузовиков, ни полицейских машин, ни бегущих от дождя садовников с фонариками.

– Как она меня бесит! – покачал головой Гвидо. – Алекс, но у нее такая попка!..

Он присвистнул.

Чем глубже мы въезжали в тени, тем сильнее зрело во мне ощущение неправильности происходящего. Симон один торчит под дождем. В первый раз я подумал, что брат может быть ранен. Что произошел несчастный случай. Правда, по телефону Симон упомянул

полицию, а не скорую помощь. Я прокрутил в памяти наш разговор, пытаюсь отыскать какие-то детали, которые мог неверно понять.

Грузовик, складываясь чуть ли не пополам, пробрался вверх по дороге через сады и выехал на край поляны.

– Все, – сказал я. – Выйду здесь.

– Здесь? – огляделся Гвидо.

Но я уже стоял на земле.

– Алекс, не забудь про наш уговор! – крикнул он мне. – Два билета на открытие!

Но я был слишком занят своими мыслями, чтобы ответить. Когда Гвидо уехал, я позвонил Симону. Здесь, наверху, сигнал был слабый и не обеспечивал надежной связи. Но на мгновение я услышал звонок другого мобильного.

Я пошел на звук, направив луч фонарика вперед. По склону холма была высечена огромная лестница – три монолитные террасы одна за другой спускались к далекому морю. Каждый дюйм занимали цветы, посаженные в виде кругов, вписанных в восьмиугольники, которые, в свою очередь, были вписаны в квадраты. И ни один лепесток не выбивался из ряда. Здесь, наверху, сады казались бесконечными. От этого в душе у меня нарастала дикая тревога.

Еще немного, и я бы выкрикнул в пустоту имя Симона, но тут что-то начало вырисовываться перед глазами. Отсюда, с самой верхней террасы, я различил забор. Восточная граница папских владений. Перед воротами луч фонарика уткнулся во что-то темное. В черный силуэт.

Ветер трепал подол моей сутаны, пока я бежал к темной фигуре. Земля была неровная, куски грязи вывернуты, и корешки травы торчали вверх, как паучьи лапы.

– Симон! – крикнул я на бегу. – Ты жив?

Он не ответил. Даже не пошевелился.

Я пошел к нему на подкашивающихся ногах, стараясь не потерять равновесия на скользкой грязи. Расстояние между нами сокращалось. Но он по-прежнему не отвечал.

Наконец я оказался рядом. Брат... Я тронул его рукой и спросил:

– Ты жив? Скажи мне, что ты жив!

Он лежал бледный и весь промокший. Мокрые волосы, прилипшие ко лбу, казались нарисованными, будто у куклы. Черная сутана обтягивала мускулистое тело, словно шкура у скаковой лошади. Сутана – старомодная одежда духовенства, которую некогда носили все римско-католические священники, пока их не сменили черные брюки и черные пиджаки. На неясно вырисовывающейся в темноте фигуре брата она выглядела зловеще.

– Что случилось? – воскликнул я, так и не дождавшись ответа.

Безжизненный, отстраненный взгляд Симона устремлялся куда-то на землю.

В грязи валялось длинное черное пальто – грека, верхняя одежда римско-католического священника, названная так за сходство с грекокатолической сутаной. Она накрывала какой-то бугор.

Как ни представлял я себе этот момент, о таком помыслить не мог. Бугор заканчивался парой ботинок.

– Господи, – прошептал я. – Кто это?

– Я мог его спасти, – глухим срывающимся голосом произнес Симон.

– Си, я не понимаю. Скажи мне, что происходит?!

Я не отрываясь смотрел на простые нешнурованные ботинки. На одной подошве

протерлась дырка. Меня не отпускало тревожное чувство, по мыслям словно царапали ногтем. К высокому забору, отделяющему земли папы от пограничной дороги, ветром прибило какие-то бумажки. Дождь лепил их на металлическую решетку, будто клеил папье-маше.

– Он звонил мне, – пробормотал Симон. – Я знал, что он в беде. Примчался сразу как смог.

– Кто? Кто звал?

Но смысл его слов уже медленно доходил до меня. Я уже понимал, откуда это ноющее чувство. Дырка на ботинках была мне знакома.

Я отступил на шаг, внутри все напряглось. Руки сжались в кулаки.

– К...как?.. – заикаясь, начал я.

На дороге, идущей через сады, показались огни, они двигались в нашу сторону. Несколько пар, размером не больше пластмассовых пулек. Приблизившись, они оказались фарами патрульных машин.

Ватиканские жандармы.

Я опустил на колени. Руки у меня дрожали. На земле рядом с телом стоял открытый портфель. Ветер ворошил лежавшие в нем бумаги.

Жандармы побежали к нам, отрывисто приказывая отойти от тела. Но я все же сделал то, что так подмывало сделать. Мне нужно было увидеть.

Я потянул на себя греку Симона. Глаза покойника были широко открыты. Рот перекошен. Язык уткнулся в щеку. Лицо моего друга застыло в безжизненной гримасе. На виске виднелось черное отверстие, из которого вытекало что-то розовое.

Тучи наваливались со всех сторон. На плечо мне легла рука Симона и потянула прочь от тела.

Но я все не мог отвести взгляда. Карманы костюма были вывернуты. На том месте, откуда сняли наручные часы, светлела полоска белой кожи.

– Отойдите, святой отец, – сказал жандарм.

Я наконец отвернулся. Лицо жандарма напоминало обтянутый кожаной перчаткой кулак. По глазкам-бусинкам и белым, словно покрытым инеем, волосам я узнал инспектора Фальконе, шефа ватиканской полиции. Человека, который бежит рядом с автомобилем Иоанна Павла.

– Кто из вас отец Андреу? – спросил Фальконе.

– Мы оба. – Симон вышел вперед. – Вас вызвал я.

Я ошарашенно смотрел на брата, силясь понять, что происходит.

– Идите со спецагентом Бракко, – показал Фальконе на одного из своих офицеров. – Расскажите ему все, что видели.

Симон повиновался. Он достал из кармана греки свой бумажник, телефон и паспорт, но саму греку оставил на теле покойного.

– У этого человека нет родных. Мне нужно распорядиться, чтобы ему организовали подобающие похороны, – сказал он, прежде чем последовать за офицером.

Фальконе прищурился. Заявление было странным, но из уст священника прозвучало вполне резонно.

– Святой отец, вы знали этого человека? – спросил он.

– Он был моим другом, – еле слышно ответил Симон. – Его звали Уголино Ногара.

Полицейский отвел Симона подальше, чтобы задать вопросы с глазу на глаз, а я остался на поляне, которую жандармы огородили веревкой. Один осматривал восьмифутовый забор рядом с шоссе, пытаюсь понять, как в сады проник посторонний. Другой, подняв голову, разглядывал камеру видеонаблюдения. Большинство жандармов в прошлой жизни были городскими полицейскими. Департамент полиции Рима. Они уже выяснили, что у Уго украли часы, что пропал бумажник, что вскрыт портфель. Но все равно продолжали подробно изучать место преступления, словно что-то не сходилось.

В этих краях любовь к его святейшеству достигала невероятной силы. Местные жители рассказывают истории о том, как папы римские заходили к ним домой, желая убедиться, что у каждой семьи в городе есть курочка на ужин. Среди старожилы многие были названы в честь папы Пия, который защищал их во время войны. Не стены охраняли это место, а сами жители. Ограбление здесь казалось невысказанным.

– Ствол! – крикнул офицер.

Он стоял у входа в туннель – огромную галерею, построенную для послеобеденных прогулок какого-то римского императора. К туннелю побежали еще два жандарма, в сопровождении пары садовников, которые показывали дорогу. Кто-то закричал от усилия, двигая что-то тяжелое. Но неизвестная находка, увы, оказалась не оружием.

– Ложная тревога! – коротко бросил жандарм.

У меня содрогнулась грудь от рыданий. Я закрыл глаза, обуреваемый чувствами. Мне доводилось видеть, как люди умирают. В больнице, где работала Мона, я совершал помазания больных, читал молитвы умирающим. И все же справиться с потрясением оказалось нелегко.

Прошел жандарм, фотографируя следы в грязи. Сады уже заполнились полицейскими. Но мой взгляд вернулся к Уго.

Чем он был мне так дорог? Благодаря подготовленной им выставке он стал бы популярным человеком в Риме, чье имя у всех на устах. И смею утверждать, я тоже приложил руку к этой популярности, хотя теперь и посмертной. Больше всего в Уго меня подкупали его несурьезности. Очки, которые он все не мог починить. Дырки в ботинках. Какая-то нескладность, которая улетучивалась, едва он начинал говорить о своем грандиозном проекте. Даже его болезненное, неизлечимое пьянство. Ничто на свете для него не имело значения, кроме выставки, ей он посвящал все свои помыслы. Он жил ради ее будущего. И пожалуй, именно поэтому мне было так тяжело. Для своей выставки Уго стал как отец.

Симон вернулся в сопровождении жандарма, который его допрашивал. Во влажных глазах брата стояла пустота. Я ждал от него каких-то слов, но заговорил офицер.

– Святые отцы, теперь вы можете идти.

Но тут привезли мешок для перевозки трупов. Ни Симон, ни я не двинулись с места. Два жандарма положили Уго на раскрытый мешок и расправили края. Со звуком, похожим на звук рвущегося бархата, застегнули молнию. Уго уже понесли прочь, когда Симон воскликнул:

– Стойте!

Полицейские обернулись.

Симон воздел руку и произнес:

– Преклони, Господи, ухо Твое.

Два жандарма опустили мешок. Все, кто стоял в пределах слышимости, – каждый полицейский, каждый садовник, люди всех сословий – потянулись к головному убору.

– Смиренно молю Тебя, – продолжал Симон, – о душе раба Твоего Уголино Ногары, которого призвал Ты от мира сего, да не предашь ее во власть врага и не забудешь ее вовеки, но повелишь святым Твоим принять ее и ввести в райскую обитель. Через Христа, Господа нашего, аминь.

В душе я прибавил два самых главных греческих слова, самых емких и могущественных во всех христианских молитвах.

«Кирие, элейсон!»

Господи, помилуй!

Шляпы и форменные береты вернулись на место. Мешок снова подняли. Уго отправился отсюда прочь, неведомо куда.

Под ребрами ныла зияющая пустота.

Уго Ногары больше нет.

Когда мы вернулись к «фиату», Симон открыл бардачок и принялся рыться внутри.

– Где мои сигареты? – едва слышно спросил он.

– Я их выбросил.

На телефоне я увидел два непринятых звонка от сестры Хеле ны. Петрос наверняка места себе не находил. Но сигнал здесь был слишком слаб, чтобы перезвонить.

Симон беспокойно потер шею.

– Мы тебе еще купим, когда вернемся, – пообещал я. – Что там произошло?

Он выдул воздух углом рта, словно невидимый сигаретный дымок. Я заметил, что рука у него импульсивно стиснула правое бедро.

– Тебе нехорошо? – спросил я.

Он покачал головой, но сел поудобнее, чтобы поменьше тревожить ногу. Потом запустил левую руку в рукав сутаны, в манжету, которую священники используют вместо карманов. Опять искал сигареты.

Я повернул ключ зажигания. Когда мотор «фиата» ожил, я наклонился и поцеловал четки, которые Мона когда-то давно повесила на зеркало заднего вида.

– Скоро приедем домой, – сказал я. – Когда сможешь говорить, дай мне знать.

Брат кивнул, но не произнес ни слова. Постукивая пальцами по губам, он неподвижно смотрел в сторону поляны, где Уго расстался с жизнью.

Если бы мы ехали в Рим на слонах через Альпы, и то добрались бы быстрее. Старый отцовский «фиат» пыхтел на последнем цилиндре, вместо изначальных двух. Сейчас у некоторых газонокосилок больше мощности. Шкала магнитолы застряла на одной точке: 105 FM, «Радио Ватикан», и сейчас оно передавало молитвы на четках. Симон взял с зеркала веревочку с бусинами и начал перебирать их. Голос по радио говорил: «Понтий Пилат, желая сделать угодное толпе, бичевал Иисуса и предал его на распятие». За этими словами последовали привычные молитвы – «Отче наш», десять «Аве Мария», «Слава», – и Симон погрузился в глубокие размышления.

– Зачем кому-то понадобилось его грабить? – спросил я, не выдержав молчания.

У Ногары мало чем можно было поживиться. Он носил дешевые наручные часы. Содержимое его бумажника с трудом покрыло бы расходы на обратный билет до Рима.

– Не знаю, – ответил Симон.

Единственный раз я видел Уго с пачкой наличности, когда он обменял деньги в аэропорту, прилетев из командировки.

– Вы возвращались одним и тем же самолетом? – спросил я.

Оба работали в Турции.

– Нет, – рассеянно ответил Симон. – Он прилетел два дня назад.

– Что он здесь делал?

Брат бросил на меня взгляд, словно пытаюсь выщедить смысл из моей болтовни.

– Выставку готовил, – ответил он.

– Зачем ему понадобилось идти в Сады?

– Не знаю.

Среди этих холмов, на итальянской территории, окружающей папские владения, расположено несколько музеев и археологических достопримечательностей. Возможно, Уго проводил там исследования или встречался с другим куратором. Но с приближением грозы все достопримечательности на открытом воздухе должны были закрыться, а Уго попросили бы найти себе убежище.

– Может, шел к вилле? – предположил я.

Симон кивнул. Голос по радио говорил: «И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» Начинался новый круг молитв, и Симон следовал за ними, оставляя на бусинах, проходящих под его большим пальцем, крупинки грязи. Педантичностью он никогда не отличался, но чист и опрятен был всегда. Грязь у него на коже понемногу высыхала, и он рассеянно глядел, как на ней образуется паутина трещинок и четки уносят прочь кусочки пыли.

Как-то раз, вскоре после рождения Петроса, мы с Симоном так же сидели в машине – в тот вечер я вез его в аэропорт, он улетал к месту своего первого зарубежного назначения. Мы слушали радио, смотрели, как над головой, словно ангелы, проплывают самолеты, оставляя за собой следы. Брат был убежден, что дипломатия – богоугодное дело, что за столом переговоров умирает религиозная вражда. Когда он согласился на пост в незавидной Болгарии, где католиков меньше одного на сотню человек, дядя Лучо заламывал руки и твердил, что Симон с тем же успехом мог бы работать на лобби производителей свинины в Израиле. Но три из четырех болгар – православные хрис тиане, а со дня поездки в Афины целью брата стала работа по воссоединению двух крупнейших мировых церквей. Идеализм – один из главных недостатков Симона. В Государственном сек ретариате чиновники получали повышение по расписанию: через десять лет – до епископа, через двадцать – до архиепископа. И понятно, почему в числе ста пятидесяти кардиналов так много сотрудников секретариата. Не удастся пробиться в основном тем, кому мешают благие намерения. Как предупреждал Симона дядя Лучо, махараджа должен выбирать: управлять ли ему своим народом или убирать за своим слоном. В этой метафоре под «слоном» подразумевались Мона, Петрос и я. Симону необходимо было освободиться от нас, пока чувство долга не помешало карьере.

Но затем его направили в Турцию, и Бог подбросил ему нового персонажа для духовного окормления: Уго Ногару. Заблудшую овцу. Ранимую душу, бьющуюся над главным трудом своей жизни. Одним словом, я мог себе представить, что чувствовал сейчас мой брат. Муку, сравнимую с той, которую почувствовал бы я, случись что с Петросом.

– Уго сейчас в лучшем мире, – напомнил я ему.

Это убеждение в свое время помогло двум мальчишкам пережить смерть родителей. За гранью смерти – жизнь, за гранью страдания – покой. Но Симон был еще слишком потрясен, чтобы осознать смерть Уго. Вместо того чтобы перебирать четки, он крепко стиснул их в руке.

– Что у тебя спрашивал жандарм?

Под глазами у Симона залегли складки. То ли он прищурился, вглядываясь в даль, то ли несколько лет работы в секретариате так сказываются на человеке, которому всего тридцать с небольшим.

– Про мой телефон, – ответил Симон.

– Зачем?

– Хотел посмотреть, в какое время мне звонил Уго.

– Что еще?

Симон невидяще смотрел на трубку у себя в руке.

– Видел ли я в садах еще кого-нибудь.

– А ты видел?

Симон снова блуждал где-то во тьме.

– Нет, – только и сказал он.

У меня в голове путались бессвязные мысли. Осенью в Кастель-Гандольфо становится тихо. Папа возвращается из летней резиденции в Ватикан, поэтому жандармы и швейцарские гвардейцы убирают с территории свои подразделения. Туристические места к вечеру пустеют, поскольку последний дневной поезд на Рим уходит часов в пять, и здешние карманники, пронырливые, как и римские, становятся агрессивнее, лишенные легкой добычи. На мгновение передо мной возникла картина: Уго под дождем, на пустынной городской площади, пойманный каким-то злодеем.

– Прямо через дорогу – участок карабинеров, – сказал я. – Почему Уго не вызвал их?

– Не знаю.

Может, и вызвал, да те отказались переходить ватиканскую границу. А если Уго и набрал номер ватиканской экстренной службы, 112... сомневаюсь, что оттуда он смог дозвониться.

– Что он сказал тебе по телефону? – спросил я.

– Алекс, прошу тебя! – протестующе поднял руку Симон. – Мне нужно помолчать.

Он ушел в себя, словно воспоминание о телефонном звонке оказалось для него особенно болезненным. Должно быть, звонок застал брата по дороге из аэропорта, и Симон сказал шоферу немедленно сменить маршрут. Но все равно не успел.

Помню, как он принесся домой, едва я позвонил с известием, что Мона меня бросила. Как поклялся, что останется со мной столько, сколько мне потребуется, чтобы снова почувствовать себя человеком. Потребовалось шесть недель. Лучо умолял его вернуться в посольство. Вместо этого Симон помогал мне обклеивать Рим объявлениями, обзванивать родственников и друзей. Он присматривал за Петросом, пока я, исполненный эгоизма, беспорядочно кружил по городу, обходя места, где когда-то влюбился в свою жену. Когда он вернулся в Болгарию, наш почтовый ящик переполняли адресованные Петросу конверты, и в каждом лежали фотографии, которые Симон сделал в столице: у человека на улице сдувает парик; аккордеонист с обезьянкой; белка на груди орехов. Эти снимки стали обоями в комнате Петроса. А ритуал чтения писем стал для меня новым этапом в общении с сыном. Именно тогда я понял, что именно имел в виду Лучо. Пока Симон ходил и шелкал фотоаппаратом, менее достойные священники взбирались по карьерной лестнице. В конце

концов я сказал ему, что мы с Петросом благополучно выкарабкались. Больше не надо писем. Пожалуйста.

Городские огни полились на нас разноцветным дождем. Зрачки Симона беспрерывно двигались, вбирая картины за ветровым стеклом. Эти места он последний раз видел больше месяца назад, больше месяца не дышал римским воздухом. Сегодняшний день должен был стать днем возвращения домой.

– Ты не заметил, какие-то из садовых ворот остались незаперты? – тихо спросил я. Но он меня не услышал.

Дом в Ватикане, где выросли я и Симон и где жили мы с Петросом, назывался «Бельведерский дворец» – по-итальянски почти все, что угодно, можно назвать «дворцом». Наш «дворец» – кирпичная коробка, построенная сотню лет назад то гдашним папой, уставшим встречать на лестницах жен и детей своих служащих. «Бельведер» означает «красивый вид», но и виды у нас соответствующие: с одной стороны – ватиканский супермаркет, с другой – ватиканский гараж. Ведомственное жилье, чего от него ожидать.

Мы жили на верхнем этаже, на одной площадке с братьями ордена госпитальеров, которые держали на первом этаже аптеку Ватикана. Из нескольких окон виднелся задний фасад папского дворца, где находились апартаменты Иоанна Павла – то был уже настоящий палаццо, без натяжки. На стоянке жандарм занимался тем, для чего Бог создал ватиканских полицейских: проверял у машин разрешение на парковку. Мы дома.

– Попросить у брата Самуэля сигарет? – спросил я, когда мы поднимались по лестнице. У Симона дрожала рука.

– Нет, не буди его. У меня где-то дома спрятана заначка.

Второй жандарм, пробегая мимо нас по лестнице, не мог не обратить внимания на жалкий вид Симона, правда из уважения отвернулся.

Я остановился и, обернувшись, поспешил окликнуть его, пока он не скрылся из виду:

– Офицер, что вы здесь делаете?

Жандарм уже спустился на один пролет и посмотрел на меня снизу вверх. Кадет с глазами ребенка.

– Святые отцы... – выговорил он, теребя в руках форменный берет. – Произошел инцидент.

– Что такое? Какой инцидент? – нахмурился Симон.

Но я уже бежал вверх по ступенькам.

Дверь моей квартиры была открыта. В гостиной топталось трое мужчин. На кухне валялся опрокинутый стул, а на полу – осколки тарелки.

– Где Петрос? – крикнул я. – Где мой сын?

Мужчины обернулись. Это оказались братья-госпитальеры из соседней квартиры, после рабочего дня в аптеке – они до сих пор не сняли белые лабораторные халаты, накинутые поверх черных одежд. Один показал в сторону спален, но ничего не сказал.

Я ничего не понимал. Шкаф в прихожей опрокинулся, паркет усыпали бумаги, а с пола на меня пристально смотрела невинная и хрупкая икона младенца Христа, принадлежавшая моему отцу. Керамическая рамка разбилась при падении. Из-за двери в спальню слышались женские рыдания.

Сестра Хелена!

Я толкнул дверь спальни. Оба сидели там, на кровати, вжавшись друг в друга. Петрос

съежился в комочек на коленях у Хелены, укрытый ее руками. Напротив них, на кровати, где в детстве спал Симон, сидел жандарм и что-то записывал.

– ...Пожалуй, повыше, – говорила Хелена, – но я толком не рассмотрела.

Жандарм быстро глянул на Симона, который подошел и встал позади, огромный, истерзанный бурей.

– Что случилось? – Я бросился к Петросу. – Тебе плохо?

– Babbo!^[3] – Петрос вырвался из рук монахини и потянулся ко мне.

У него порозовело и припухло лицо. Очутившись в моих объятиях, он тут же опять заплакал.

– Хвала Небесам! – воскликнула сестра Хелена, вставая с кровати.

Петрос у меня в руках дрожал. Я аккуратно ощупал его, проверяя, нет ли травм.

– Он цел, – шепотом успокоила меня Хелена.

– Что происходит?

Она прикрыла рот рукой, морщины под глазами немного разгладились.

– Какой-то мужчина, – сказала она. – Внутрь проник.

– Что?! Когда?

– Мы сидели на кухне. Ужинали.

– Но как он оказался в помещении?

– Не знаю. Мы услышали, когда он был у двери. Потом оказался внутри.

Я повернулся к жандарму.

– Вы поймали его?

– Нет. Но мы сейчас останавливаем и проверяем всех, кто пытается пересечь границу.

Я прижал Петроса к себе. Значит, офицера на парковке интересовали не разрешения.

– Что было нужно этому человеку? – спросил я у полицейского.

– Выясняем, – сказал жандарм.

– Другие квартиры ограблены?

– Насколько мы знаем – нет.

Я никогда не слышал, чтобы в этом здании кого-то ограбили. В нашей ватиканской «деревне» мелких преступлений почти не случалось.

Петрос уткнулся носом мне в шею и прошептал:

– А я в шкафу прятался!

Я погладил его по спине и спросил Хелену:

– Вы не узнали его?

«Деревня» – маленькая. Сестра Хелена жила в монастыре, но мы с Петросом знали почти всех в городских стенах.

– Я не видела его, святой отец, – призналась Хелена. – Он так громко бил в дверь, что я подхватила Петроса со стула и убежала сюда.

– Бил в дверь?! – озадаченно спросил я.

– И еще кричал, и ручку дергал. Когда он оказался в квартире, мы еще бежали. Чудо, что мы успели добраться до спальни!

У меня гулко стучало сердце. Я повернулся к жандарму.

– То есть это не ограбление?

– Мы не знаем, святой отец.

– Он попытался что-то вам сделать? – спросил я у Хелены.

– Мы заперли дверь спальни и спрятались в стенном шкафу.

Я опустил взгляд и увидел, что сын разглядывает бледное, испачканное грязью лицо своего дяди. У них обоих были безумные и потрясенные глаза.

– Петрос, – сказал я, погладив его по напряженной спине, – все хорошо. Ты в безопасности. Ничего не случится.

Но они с Симоном не спускали друг с друга испуганного взгляда сверкающих голубых глаз. Во взгляде брата сквозила звериная ярость, которую он безуспешно пытался побороть.

– Сестра Хелена, – шепотом повторил я, – он пытался причинить вред кому-то из вас?

– Нет. На нас он не обратил внимания. Мы отсюда слышали, как он расхаживает по квартире.

– Что он делал?

– Судя по звуку, пошел в вашу комнату. Выкрикивал ваши имена.

Я прижал Петроса к себе, заслоняя его плечом.

– Какие имена?

– Ваше и отца Симона.

По мне побежали мурашки. Я почувствовал, как жандарм внимательно наблюдает за мной, изучая мою реакцию.

– Святой отец, – сказал он, – вы можете это объяснить?

– Нет, конечно! – Я повернулся к Симону. – Тебе что-нибудь приходит в голову?

Брат смотрел отстраненно.

– Когда это случилось? – спросил он, не ответив.

В его голосе слышалась тревожная нотка. И от этого мне пришла в голову мысль, которая сперва показалась абсурдной, но мало-помалу, как чернила, разлилась в уме. Не связан ли взлом с убийством Уго? Не пришел ли сюда убийца сразу после преступления в Кастель-Гандольфо?

– Это случилось всего через несколько минут после того, как ушел отец Алекс, – ответила Хелена.

Кастель-Гандольфо находится в двадцати милях отсюда. Сорок пять минут на машине. Невозможно, чтобы оба преступления совершил один и тот же человек. Да и причины не находилось. Единственное, что связывало нас с Уго, – работа, которую мы проводили для его выставки.

– Сколько времени ты там просидел? – Симон показал на шкаф.

– Жутко долго! – с готовностью ответил благодарный Петрос.

Наконец-то хоть кто-то заинтересовался его страданиями.

Но взгляд Симона переместился в сторону окна.

– Больше пяти минут? – спросил я, чувствуя, что именно хочет узнать мой брат.

– Намного!

Значит, жандарм что-то от нас скрывает. От двери квартиры до границы бежать всего минуту. Сегодня у ворот уже никого не поймают.

Офицер закрыл блокнот и встал.

– Сестра, внизу вас ждет машина. Не стоит вам возвращаться домой по темноте и в одиночку.

– Спасибо, – ответила Хелена, – но я останусь ночевать здесь. Ради мальчика.

Полицейский открыл дверь чуть пошире.

– Настоятельница ожидает вашего возвращения. На лестнице вас ждет шофер, он готов

проводить вас вниз.

Сестра Хелена была упрямой старой монахиней, но спорить с полицией при Петросе ей не хотелось. Она поцеловала мальчика на прощание, а когда гладила его по щеке, рука, покрытая темными пятнышками, задрожала.

– Я позвоню вам, – сказал я Хелене. – У меня есть еще несколько вопросов.

Она кивнула, но ничего не ответила. Петрос спрятался в моих руках еще глубже и смотрел монахине вслед, пока она уходила. Он зажал в кулачках край своей спортивной футболки, которую повсюду носил. Ее красный ворот еще не просох от слез. Укачивая его на руках, я заметил, что к двери шкафа придвинут чемодан. Сестра Хелена должна была выйти из шкафа первой, чтобы позвонить жандармам. А Петроса пришлось оставить там, ради безопасности. Значит, в темном шкафу, скорчившись в три погибели, мой сын сидел один.

Я почувствовал прерывистое дыхание у себя на шее и вдруг понял, что Петросу уже полчаса как пора лежать в постели. Да и судя по тому, каким тяжелым стало его тело, он безумно устал.

– Хочешь попить? – шепотом спросил я.

Мы пошли на кухню, и Петрос показал на осколки, валявшиеся на кафельном полу.

– Это я сделал, – сказал он. – Случайно.

Я поднял опрокинутый стул. Должно быть, Хелена на ходу подхватила Петроса – сорок фунтов веса. Я достал с полки апельсиновую фанту – напиток, приберегаемый для особых случаев. Сын полюбил его с тех пор, как увидел в городе, что кардинал Ратцингер пьет фанту в «Кантина тиролезе». Петрос уткнулся носом в пластмассовую чашку, а я поверх его плеча разглядывал хаос в прихожей, который тянулся до порога моей комнаты. По какой-то причине комнату Петроса беспорядок обошел стороной – это подтверждало воспоминания Хелены о прошедших событиях.

– На улице буря, – сказал Петрос, показавшись над оранжевым озерцом.

Я рассеянно кивнул. Может быть, он думал о человеке, который прячется за окном, о нашем незваном госте, которого так и не поймали. Жандарм закончил осмотр моей спальни и вернулся. Когда он проходил мимо комнаты Петроса, из нее вышел Симон. Жандарм о чем-то спросил его, но брат перебил:

– Нет. Для одной ночи мой племянник и так уже пережил слишком много!

– Babbo? – позвал Петрос.

Я обернулся. Он чего-то ждал от меня.

– Да?

– Я говорю, у вас машина под дождем сломалась?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, о чем он спрашивает. Петрос интересовался, почему мы с Симоном вернулись домой так поздно. Почему он и сестра Хелена были совсем одни, когда появился этот человек.

– У нас... спустило колесо.

Наш «фиат» часто ломался. Петрос превратился в крупного специалиста по утечкам масла и поломкам генератора. Порой меня тревожило, что он становится ходячей энциклопедией автомобильных неполадок.

– Всё! – сказал он, глядя, как дядя закрывает дверь за полицейскими.

Квартира снова целиком принадлежала нам. Симон подсел к племяннику. Рядом с его внушительной фигурой Петрос успокоился и подвинулся к краю стула, как бабочка, которая греется на ветке в лучах солнца.

– Завтра вернутся, – коротко сказал Симон.

Я кивнул. Но то, что нам надо было решить сейчас, нельзя обсуждать в присутствии Петроса.

Брат гигантской ручищей взъерошил племяннику волосы. С сутаны пылью осыпалась на пол засохшая грязь.

– А машину поднимать пришлось? – поинтересовался Петрос.

– Что?

– Когда колесо меняли, – пояснил Петрос.

Мы с Симоном переглянулись.

– Я просто взял... этот... – замялся Симон и щелкнул пальцами.

– Домкрат? – подсказал Петрос.

Симон кивнул и быстро встал.

– Слушай, Петрос, я пойду помоюсь, ладно?

Потом посмотрел на меня и прибавил:

– Ubi dormiemus?

Латынь. Чтобы Петрос не понял. Это означало: «Где будем спать?»

Значит, мы оба пришли к одному и тому же выводу. Оставаться здесь небезопасно.

– Швейцарские казармы? – предложил я.

Самое безопасное место в нашей стране, после апартаментов Иоанна Павла.

Симон кивнул и побрел в душ, изо всех сил стараясь скрыть легкую хромоту.

Когда он ушел, я велел Петросу взять свою любимую пижаму. Потом запустил поиск в компьютере и терпеливо дождался, пока старенькая машина проглядит почту, отыскивая имя Уго. На душе было беспокойно. Я тщательно вслушивался, не доносятся ли с лестницы посторонние звуки.

Пара десятков сообщений. Все написаны этим летом. Последнее, двухнедельной давности, – то, которое мне нужно. Я перечитывал его, не веря глазам. Возможно, сейчас я не в лучшей форме для здравых умозаключений... Послышалось знакомое гудение в трубах, какое бывает, когда закрываются краны, и я распечатал письмо, сложил листок и спрятал в сутану. Затем пошел к Симону, в спальню, где когда-то спали мы с Моной.

Тот убирал грязную сутану в мешок с бельем, на котором наша мать вышила слова: «И отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1: 4). Брат казался еще более взволнованным, чем раньше, да и мне было тревожно. Только сейчас я начал осознавать, что Петросу грозила реальная опасность. И что сестра Хелена, возможно, спасла ему жизнь.

– Кто мог это сделать? – тихо спросил я.

Симон выдвинул ящик шкафа и пошарил в дырке в поисках оставленных на крайний случай сигарет. На этом шкафу наш отец держал две пепельницы, потому что одной не хватало. Пока Иоанн Павел законодательно не запретил курение, оно было любимым национальным занятием. Но, даже найдя желаемое, Симон не повеселел. Ящик никак не вставал на место. Брат потряс его так, что закачался весь шкаф.

– Мы-то им зачем?! – спросил я.

Сбросив полотенце, он надел белье, а я понял, почему брат берег ногу: кожа на бедре побагровела. Мышцы были чем-то стянуты.

– Не говори ничего! – сказал он, видя, что я заметил.

Когда сотрудники секретариата входят в мир коктейльных приемов и званых обедов, на которых каждому кладут по три вилки, они думают, что предали дух священничества. И

прибегают к старым, испытанным методам. Кто-то бичует себя. Кто-то носит власяницы или вериги. Кто-то, как Симон, затягивает власяную ткань на бедре. Все это – быстродействующие противоядия от удовольствий дипломатической службы. Но Симон мог бы поступить умнее. Отец учил нас поступать в этих случаях по-гречески: пост, молитва, сон на холодном полу.

– Когда ты... – начал я.

– Замолчи! – резко оборвал меня Симон. – Дай мне одеться спокойно!

От нервов остались одни клочья. Пора было уходить отсюда.

В дверях появился Петрос. Он принес целую гору пижам с динозаврами.

– Этого хватит? – спросил сын.

Симон тут же укрылся в стенном шкафу.

– Пойдем, Петрос, – сказал я, подталкивая его обратно к кухне. – Подождем дядю Симона там.

От нашего дома до казарм швейцарской гвардии по улице идти всего ничего. Посторонних сюда не допускали, но мы с Симоном провели в этих зданиях немало ночей, когда умерли родители. Рекруты разрешали нам бегать вместе с ними на тренировках, заниматься в тренажерном зале, заходить на вечеринки с фондю. Мое первое похмелье – родом из этих стен. Большинство наших старых друзей вернулись в Швейцарию в надежде на новые приключения, но остальные стали офицерами. Когда кадеты на входе звонили наверх за распоряжениями, нас немедленно приказывали пропустить.

Я удивился, как молодо выглядят новые алебардисты. Похоже, они приехали сразу после окончания школы, если не считать службы в швейцарской армии. Когда-то эти люди восхищали меня больше всех в стране. Теперь они казались лишь мальчишками-переростками, младше меня на десять лет.

Казармы составляли три длинных здания, отделенных друг от друга вытянутыми дворами. Новобранцы спали в корпусе, выходящем к римской границе. Здание для офицеров, к которому мы направлялись, стояло дальше всего от пограничной линии, соседствуя с папским дворцом. Мы поднялись на лифте и постучались в квартиру моего самого близкого приятеля среди гвардейцев, Лео Келлера. Открыла его жена София.

– Алекс, это просто ужасно! – ахнула она. – Поверить не могу, что такое могло случиться! Входите, входите!

Здесь, в казармах, новости распространяются быстро.

– Можно ребеночка потрогать? – воскликнул Петрос.

И не успела София ответить, положил обе ручонки на ее беременный живот.

Я потянул сына назад, но будущая мать улыбнулась и положила руки поверх его ладоней.

– У ребеночка икота, – сказала она. – Чувствуешь?

София была милостивой женщиной, стройной, как Мона, и с той же статью. Даже волосы такие же, как у моей жены: русые, высветленные римским солнцем, отчего ее лицо, казалось, окружено рыжим ореолом – будто в завитках стальной стружки отражается огонь. София и Лео женаты уже год, но я по-прежнему ловил себя на том, что разглядываю ее, находя то, чего не видел раньше. От воспоминаний о Моне и о чувствах, которые муж испытывает к жене, я покраснел. А еще Келлеры заставили меня почувствовать одиночество, которое обычно я от самого себя довольно успешно скрывал.

– Проходите, садитесь, – сказала она. – Принесу вам поесть.

Но потом вдруг передумала.

– Ага, понятно, не стоит. – Она смотрела через мое плечо на Симона. – Я останусь с Петросом здесь. А вы, святые отцы, выпейте чего-нибудь внизу.

Что-то эдакое она увидела в его глазах.

– Спасибо, София, – сказал я.

Потом присел на корточки перед Петросом и сказал ему:

– Я скоро вернусь и уложу тебя спать. Ведем себя хорошо, договорились?

– Ну же, – тихо сказал Симон, потянув меня за сутану. – Пошли.

Столовая швейцарской гвардии располагалась на первом этаже казармы. Это было тускло освещенное помещение, похожее на каземат. Неизменную мглу пробивал только свет

нескольких мрачных люстр. Стены украшали росписи в натуральную величину, которые изображали эту пятисотлетнюю армию в давние времена ее расцвета. Сами росписи появились при жизни Иоанна Павла и выглядели до неловкости карикатурно. Создавая подобное в тени Сикстинской капеллы, художник, видимо, надеялся искупить грех в чистилище.

Мы с Симоном прошли к пустому столику в углу и спросили чего-нибудь покрепче вина. Из-за своих габаритов Симону приходилось потрудиться, чтобы выпивка оказала на него хоть какой-то эффект. Но здесь подавали только вино, поэтому заговорил я, лишь когда первый бокал Симона опустел.

– Зачем мы кому-то потребовались?

Он провел пальцем по граненому стеклу толстого бокала, крепкого, как граната.

– Если я узнаю, кто угрожал Петросу... – тяжелым голосом произнес брат.

– Ты правда думаешь, что ограбление может быть связано с убийством Уго?

– Не знаю.

Он весь дрожал от напряжения.

Я достал из кармана распечатанное на принтере письмо и передал брату.

– Он тебе когда-нибудь нечто подобное говорил?

Симону потребовалось всего несколько секунд, чтобы прочитать. После чего он подвинул листок обратно и, нахмурившись, ответил:

– Нет.

– Как думаешь, там что-то важное?

Он откинулся назад и налил себе еще бокал.

– Вряд ли.

Его огромный палец опустился на страницу, указывая на дату сообщения. Две недели назад.

Я перечитал слова.

Дорогой Уго!

Мне очень жаль это слышать. Но впредь Вам лучше просить о помощи кого-то другого. Могу порекомендовать нескольких специалистов по Священному Писанию, которые обладают более чем достаточной квалификацией, чтобы ответить на Ваши вопросы. Напишите, если будет такая необходимость. Удачи с выставкой.

Алекс

Ниже шло исходное сообщение Уго, на которое я отвечал. Последние его слова.

Брат Алекс!

Выяснились кое-какие факты. Это срочно. Не смог до Вас дозвониться. Пожалуйста, свяжитесь со мной немедленно, пока новость не просочилась наружу.

Уго

– Тебе он никогда про это ничего не говорил? – повторил я.

Симон печально покачал головой.

– Но поверь мне, – сказал он, – я выясню, что происходит.

В его голосе прозвучала нотка типичного секретариатского чувства превосходства.

Подождите здесь, пока мы спасем мир.

– Кто знал, что сегодня ты ночуешь в квартире? – спросил я.

– В нунциатуре все знали, что я лечу домой на открытие выставки.

Нунциатура. Посольство Священного престола.

– Но я не сказал им, – добавил Симон, – где именно остановлюсь.

По голосу было понятно, что этот вопрос беспокоил и его. Телефонный справочник Ватикана невелик, и в нем выписаны домашние и рабочие номера большинства служащих, включая мой собственный. Но адресов там нет.

– И потом, как можно добраться сюда от Кастель-Гандольфо так быстро?

Симон долго не отвечал, только крутил в руках очки. Наконец он сказал:

– Наверное, ты прав. Никак.

И все же в голосе брата не слышалось облегчения, словно он пытался лишь успокоить меня.

Далекие церковные колокола пробили десять вечера. Началась смена караула. Появились патрульные в ночной униформе – возвратившиеся с дежурства. Зал вновь наполнился народом, как приливная заводь водой. Становилось ясно, что здесь нам от сегодняшних треволнений не скрыться. На дежурстве эти люди уже слышали новость из Кастель-Гандольфо. Симон и я внезапно прославились, да еще и совершенно не ожидаемым способом.

Первым к нам подсел мой старый друг Лео. Мы познакомились, когда я учился на третьем курсе семинарии, весной, на похоронах. Швейцарский гвардеец убил в казарме командира, потом сам застрелился из табельного оружия. Лео в ту ночь оказался первым на месте преступления. Если я правильно помню, в то время это было единственное убийство, совершенное на ватиканской земле. Мы с Моной опекали Лео больше года, в том числе приглашали на встречи пара на пару, но девушки не видели перспектив у иностранца с невысоким жалованьем, да еще связанного клятвой не обсуждать преследующее его воспоминание. Но когда ушла Мона, не кто иной, как Лео, помог Симону привести меня в чувство. Этой весной он венчался с Софией, и меня назначили отправлять службу, тогда как кардинал Ратцингер оказал им честь, вызвавшись провести венчание. Теперь, после многих лет страданий, у нас обоих появилось по сыну. Сегодня я был рад, что он со мной. Дружба переживших кораблекрушение.

Симон приподнял бокал на дюйм, приветствуя Лео. Несколько кадетов последовали за начальником к нашему столу и вскоре по очереди стали заказывать на всех пиво и вино. Звякали стаканы. После нескольких часов вынужденной неподвижности руки и рты двигались с особенным наслаждением. Здесь обычно говорили по-немецки, но иногда переходили на итальянский, дабы мы тоже могли участвовать в разговоре. Не понимая, что мы не просто друзья их командира, они принялись обсуждать друг с другом до неприличия профессиональные военные подробности. «Какого калибра был патрон?», «В лоб или в висок?», «С одного выстрела? Какая останавливающая сила у пули?».

Но когда Лео объяснил, кто его гости, все переменялось.

– Это вашу квартиру ограбили? – живо спросил меня один гвардеец.

Я понял: скоро слухи разойдутся по всей «деревне». Прежде всего, это повредит Симону. Люди из секретариата должны избегать скандалов.

– Жандармы кого-нибудь поймали? – спросил я.

Сперва они не поняли, о котором из двух происшествий я спрашиваю, но Лео ответил:

– Нет, ни там, ни там.

– Мои соседи ничего не видели?

Лео покачал головой.

Но по-настоящему этих мальчишек занимало все же убийство Уго.

– Я слышал, тело никому не показывают, – сказал один кадет.

– Да, вроде с ним что-то не так, – прибавил второй. – То ли с руками, то ли с ногами.

Они ошибались. Тело Уго я видел собственными глазами. Но прежде чем я успел вмешаться, пошли грубые шутки насчет стигматов. Симон бухнул кулаком о стол и прорычал:

– Хватит!

Тишина установилась мгновенно. В их мире он являл собой пример авторитетности и респектабельности: высокий, внушительный, из священников. К тому же, понял я, в свои тридцать три года, он может казаться еще и старым.

– Они знают, как можно было проникнуть в сады? – спросил я.

Все зачирикали, словно птицы на проводах. И согласно постановили: нет.

– Значит, никто ничего не видел? – настойчиво выпытывал я.

– Я кое-что видел, – наконец ответил Лео.

Стол затих.

– На прошлой неделе, – сказал Лео, – когда я стоял третью смену у Святой Анны, подъехал автомобиль и попросил разрешения на въезд.

Святая Анна – это ворота неподалеку от казарм. Там круглосуточно стоят швейцарские гвардейцы и проверяют транспорт, приезжающий из Рима. Но в третью смену приграничные ворота закрыты. Ночью в нашу страну не разрешается въезжать никому.

– Время – три ноль-ноль, – продолжал Лео, – а грузовик начинает мне мигать. Я ему машу, мол, проваливай, но тут вылезает водила.

Все скривились. Не по инструкции. Шофер должен опустить стекло и предъявить удостоверение личности.

– Я подхожу, – рассказывал Лео, – вице-капрал Фрай меня прикрывает. У шофера – итальянские права. И гляди-ка – разрешение на въезд! И угадайте, чья подпись на разрешении!

Он подождал. Эти ребята были еще достаточно молоды, чтобы возможные варианты привели их в трепет.

– А подписано оно, – драматически произнес Лео, – архиепископом Новаком!

Кто-то присвистнул. Антоний Новак – самый высокопоставленный министр-священник в мире. Правая рука папы Иоанна Павла.

– Я приказываю вице-капралу позвонить наверх, – продолжал Лео, – подтвердить подпись. А сам тем временем заглядываю в кузов.

Он подался вперед.

– А там – гроб! Простыней покрыт, и латинские слова сверху написаны. Не спрашивайте меня, что они означают. Но под простыней – большой металлический ящик. Большой – это значит большой!

Все алебардисты за столом перекрестились. У каждого в этих казармах при словах о

металлическом гробе возникали одни и те же мысли. Когда умирает папа, его хоронят в тройном гробу. Первый – из кипариса, последний – из дуба. А средний сделан из свинца.

Здоровье Иоанна Павла вызывало серьезную тревогу. Он был слаб, уже не мог ходить, на его лице застыла маска боли. Кардинал – государственный секретарь, второе по значимости лицо при Святом престоле – нарушил кодекс молчания, сказав, что отречение возможно. Если здоровье папы не позволит ему осуществлять правление, то это лишь вопрос совести, должен ли он уйти на покой. Журналисты кружили стервятниками, а кое-кто даже предлагал деньги ватиканским жителям за любой намек на информацию. Я недоумевал, как Лео решился рассказать подобную историю перед столь несдержанной аудиторией.

Но он сам ответил на этот вопрос.

– И кого же я вижу на скамейке рядом с гробом? На бейдже написано: «Ногара, Уголино»! – Лео стукнул по столу костяшками пальцев. – Через минуту приходит обратный звонок. Архиепископ Новак подтверждает разрешение на въезд. Грузовик этот уезжает, и больше я не видел ни гроба, ни Ногары. А теперь кто-нибудь расскажите мне, что это все означает?

Пахнуло историей о привидениях. Ходячий призрак, возникший в мрачные часы третьей смены. Люди здесь суеверны.

Не успел никто ответить, как Симон встал и пробормотал что-то вроде «Меня тошнит» или, может быть, «Меня от всего этого тошнит». Не извинившись и не попрощавшись, он вышел из столовой.

Я встал и пошел за ним, не чувствуя под собою ног. Рассказ Лео добавил очень важное обстоятельство к смерти Уго. Швейцарские гвардейцы не обратили на него внимания, потому что канули в лету те времена, когда любой католик с несколькими классами школы за спиной знал латынь. Но мой отец научил своих детей читать и по-гречески, и по-латыни, а потому я знал, какие слова увидел Лео на покрывале гроба. Они складывались в молитву: «*Tuam Sindonem veneramur, Domine, et Tuam recolimus Passionem*».

В темноте Лео, должно быть, смог составить себе лишь приблизительное представление о габаритах ящика, поскольку для папы гроб был бы слишком велик. Я знал, потому что однажды уже видел такой собственными глазами.

Я знал, что именно прятал Уго.

Семьсот лет назад в маленькой французской деревушке впервые в западной истории всплыла христианская реликвия. Никто не знает, откуда она появилась и как туда попала. Но мало-помалу, как все реликвии, она очутилась в добрых руках. Ею завладела королевская семья, правившая теми землями, и со временем перенесла реликвию в свою альпийскую столицу.

В Турин.

Считается, что Туринская плащаница – это кусок полотна, в котором был похоронен Иисус Христос. На поверхности ткани просматривается загадочное, почти фотографической точности изображение распятого человека. Пять веков лежит она в капелле Туринского собора и тщательно оберегается, даже публике ее демонстрируют всего несколько раз за век. За половину тысячелетия всего дважды ее вывозили из города: один раз – когда королевская фамилия бежала от Наполеона, а другой – во время Второй мировой войны. Это второе путешествие привело ее в монастырь в горах близ Неаполя, где полотно скрывали. И на пути в монастырь плащаница единственный раз за всю историю прошла через Рим.

Единственный раз за всю историю – до сей минуты.

Большинство реликвий хранятся в специальных сосудах, называемых реликвариями. Семь лет назад, в тысяча девятьсот девяносто седьмом году пожар в Туринском соборе чуть не уничтожил плащаницу, хотя она лежала в серебряном ковчеге. По сле этого было разработано новое хранилище: герметичная коробка из авиационного сплава, спроектированная так, чтобы защитить драгоценное полотно почти от любого воздействия. Новый реликварий не случайно напоминает очень большой гроб.

Снаружи гроб задрапирован золотой тканью, вышитой традиционной латинской молитвой о плащанице: «Tuam Sindonem veneramus, Domine, et Tuam recolimus Passionem». «Чтим, Господи, Твою Плащаницу и размышляем о Твоих Страстях».

Я был уверен, без всяких сомнений, что внутри грузовика Лео увидел ящик с самым знаменитым изображением нашей религии – главным экспонатом исторической выставки, которую Уго Ногара организовал, дабы воздать почести плащанице.

Я познакомился с Уго потому, что положил себе за правило знакомиться со всеми друзьями Симона. Большинство священников хорошо разбираются в людях, но мой брат часто приглашал к обеду бездомных бродяг. Он встречался с девушками, которые крали столовое серебро чаще, чем бродяги. А однажды вечером, когда он помогал монахиням раздавать бесплатный суп в ватиканской столовой, двое пьяных подрались, и один вытащил нож. Тогда Симон подошел и обхватил лезвие рукой. И не отпускал, пока не пришли жандармы.

Наутро мама решила, что пора прибегнуть к медицине. Психиатр был старый иезуит, в его кабинете пахло отсыревшими книгами и ароматизированными сигаретами. На столе стояла фотография с автографом Пия XII – папы, который сказал, что Фрейд – извращенец, а иезуитам не следует курить. Мама спросила, подождать ли мне снаружи, но доктор ответил, что это лишь первичный прием и, если Симону потребуется лечение, подождать снаружи придется нам с ней обоим. И мама, заливаясь слезами, решила спросить, существует ли медицинский термин для болезни Симона. Поскольку во всех журналах употреблялся

термин «инстинкт смерти».

Иезуит задал Симону несколько вопросов, потом попросил его руку и взглянул на то место, где большой палец соединяется с ладонью. Наконец он сказал матери:

– Синьора, вам знаком человек по имени Максимилиан Кольбе?

– Это доктор?

– Он был священником в Освенциме. Нацисты морили его голодом шестнадцать дней, а потом отравили. Кольбе сам вызвался на казнь вместо абсолютно незнакомого человека, чтобы спасти тому жизнь. Вы имеете в виду, что вот такого рода поведение вас огорчает?

– Да, святой отец! Именно так! Есть ли в вашей профессии название для людей вроде Кольбе?

И когда иезуит кивнул, на лице моей матери появилась полная надежды улыбка, потому что если у чего-то есть название, то, может быть, существует и способ лечения.

– В моей профессии, синьора, – ответил врач, – мы называем их мучениками. А Максимилиана Кольбе мы называем святым покровителем нашего века. Инстинкт смерти – не то же самое, что желание умереть. Крепитесь. Просто ваш сын – необыкновенно добрый христианин.

Год спустя мама избежала своего величайшего страха: пережить Симона. И последнее, что она сказала мне перед смертью, помимо: «Я люблю тебя», – было: «Прошу тебя, Алекс, приглядывай за братом!»

К тому времени, когда Симон закончил семинарию, присматривать за мной уже не было нужды. Ему предложили стать ватиканским дипломатом – приглашение, которое во всем мире из четырехсот тысяч католических священников получают всего десять человек в год. Это означало возможность пройти обучение в самом элитном церковном учреждении за пределами ватиканских стен – Понтификальной академии. Шесть из восьми пап до Иоанна Павла были ватиканскими дипломатами, и четверо – выпускниками академии, так что, не считая Сикстинской капеллы во время конклава, именно в этом месте вероятнее всего мог появиться будущий папа. Если бы Симон остался на дипломатической службе, пределом было бы только небо. Все, что от него требовалось, – постараться не разбазаривать фамильное серебро.

И тем не менее мой брат сделал неожиданный выбор. В администрации Святого престола – два десятка департаментов, и выбери Симон работу в любом другом, он бы почти наверняка остался дома. Ему были бы рады в старом любимом доме нашего отца – Папском совете по содействию христианскому единству. Или, например, можно было сделать благородный жест и пойти в Конгрегацию по делам восточных церквей, защищающую права восточных католиков. Дяде Лучо, как и большинству ватиканских кардиналов, поручали сразу несколько дел за пределами основной сферы деятельности, и ему не составило бы труда что-нибудь подыскать: Конгрегация по делам духовенства или Конгрегация по канонизации святых, где в его силах было бы помочь Симону двигаться по карьерной лестнице. И из всех причин, по которым брат мог бы отвергнуть должность в секретариате, самой важной была наша семейная история отношений с его руководителем, вторым человеком в Ватикане, кардиналом – государственным секретарем Доменико Бойя.

Бойя вступил в должность в то время, когда в Восточной Европе начал рушиться коммунизм. По ту сторону «железного занавеса» после многих лет насильственно насаждаемого атеизма возрождалась православная церковь, но когда Иоанн Павел попытался протянуть ей оливковую ветвь, то вдруг обнаружил, что на пути у него стоит его новый

госсекретарь. Православной церкви, которая откололась от католицизма тысячу лет назад, отчасти из-за расхождений в понимании роли папской власти, кардинал Бойя не доверял. Православные считали папу, как и девятерых патриархов, возглавляющих их церковь, иерархом, достойным особых почестей, первым среди равных – но не лицом, облеченным высшей властью и обладающим непогрешимостью. Это Бойе казалось опасным радикализмом. Так началась негласная борьба – второй по уровню полномочий человек в Ватикане пытался оградить папу от его же добрых намерений.

Его преосвященство начал кампанию дипломатических выпадов против православных, которая могла отбросить наши отношения на много лет назад. Одним из самых горячих его сторонников выступал помощник Бойи, американский священник по имени Майкл Блэк, который был некогда протеже моего отца. В глазах Симона, ни один орган власти не воплощал в себе враждебность идеалам нашего отца больше, чем секретариат. И все же, вместо того чтобы отвергнуть приглашение, Симон воспринял его как знак. Бог желал, чтобы он продолжил работу отца по объединению церквей. А секретариат оказался тем местом, где Он хотел эту работу осуществить.

В академии, пока остальные изучали испанский, английский или португальский, Симон шпудировал языки православных славянских народов. Он отказался от Вашингтона, чтобы поехать в Софию, столицу православной Болгарии. Там он выжидал, пока откроется какая-нибудь позиция в Анкаре – в той же нунциатуре работал Майкл Блэк.

Я знал, что Симон подхватил гаснущий факел отца, но что он намеревался с этим факелом делать, не ведал, по-моему, даже он сам. А потом, за неделю до того, как я впервые встретился с Уго, позвонил дядя Лучо.

– Александр, ты знаешь, что твой брат не ходит на работу?

Я не знал.

Лучо поцокал языком.

– Он получил выговор за отсутствие без уважительной причины. И поскольку со мной он говорить об этом не станет, я был бы очень благодарен, если бы ты выяснил, почему подобное произошло.

Отговорками Симона оказались офисные интриги: на него донес Майкл Блэк, из желания досадить. Но неделю спустя мой брат неожиданно объявился в Риме.

– Я здесь с другом, – сказал он.

– Что за друг?

– Его зовут Уго. Мы познакомились в Турции. Приходи к нему сегодня вечером, поужинаем вместе. Он хотел бы с тобой познакомиться.

Никогда еще я не бывал в такой квартире, как та, где жил Уголино Ногара. Большинство семей, работающих у папы, снимают вокруг Рима квартиры, принадлежащие церкви. Моим родителям, при поддержке Лучо, посчастливилось получить квартиру внутри ватиканских стен, в «гетто» папских работников. Но сейчас моим глазам открылась жизнь другой части сотрудников. Квартира Ногары располагалась внутри папского дворца, в том углу, где Ватиканские музеи встречаются с Ватиканской библиотекой. Когда Симон открыл нам дверь, Петро с радостью бросился в объятия дяде, а мой взгляд потерялся в обширных пространствах у него за спиной. Стены не украшали фрески, потолки – не отделаны золотом, но от одного края до другого квартира была настолько велика, что ее разделили на небольшие комнаты ширмами, как некогда делали кардиналы на конклавах. Западная стена

выходила во двор, где в тихом кафе попивали кофе ученые из Ватиканской библиотеки. На юге в просветах между кронами деревьев виднелись крыши, словно выстраивая тропинку к куполу собора Святого Петра.

– Ага! Вы, должно быть, отец Алекс и Петрос! – послышался из глубины квартиры могучий голос. – Проходите, проходите!

К нам стремительно вышел человек с распростертыми объятиями. Едва завидев его, Петрос поспешил укрыться позади меня.

Уголино Ногара обладал размерами некрупного медведя, и кожа его так загорела на солнце, что сама чуть не светилась. Очки скрепляла толстая веревка. В руке Уго держал бокал, расплескивая вино, и первое, что он сказал, поцеловав меня в обе щеки, было:

– Принесу вам выпить!

Многозначительное начало.

Симон осторожно взял Петроса за руку и увел, пообещав подарок из Турции. Я оказался с нашим хозяином один на один.

– Доктор Ногара, вы работаете с моим братом в нунциатуре? – спросил я, пока он разливал вино.

– О нет! – Он засмеялся и указал на здание, замыкавшее двор с другой стороны. – Я работаю в музеях. Только что съездил в Турцию – за последними штрихами к моей выставке.

– К вашей выставке?

– Той, что открывается в августе.

Он подмигнул так, словно Симон мне уже все рассказал. Но в то время еще никто ничего про нее не знал. Еще не ходили слухи ни о торжественном открытии, ни о приеме в Сикстинской капелле.

– Тогда как вы познакомились? – спросил я.

Ногара ослабил узел галстука.

– Несколько турок обнаружили в пустыне бедолагу, потерявшего сознание от теплового удара. – Он снял очки и показал веревочный узел. – Валялся лицом вниз.

– Они нашли ватиканский паспорт Уго, – отозвался Симон, возвращаясь к нам, – и позвонили мне в нунциатуру. Мне пришлось проехать четыреста миль, пока я отыскал его. Он был в городе под названием Урфа.

Петрос, определив, что разговор идет взрослый, опустился в углу на пол, рассеянно листая комикс об Аттиле-гунне, который Симон привез ему из Анкары.

– Отец Алекс, вообразите! – просветлел Ногара. – Я в мусульманской пустыне, а ваш брат, да хранит его Господь, приехал ко мне в больницу в сутане, с корзиной еды и бутылкой бароло!

– Я не знал, что при тепловом ударе алкоголь – самое страшное. – Симон не улыбался. – Правда, кое-кому это прекрасно известно.

– А я не мог ему об этом сообщить, – сказал мне Ногара, ухмыльнувшись, – потому что после нескольких стаканчиков бароло вырубился.

Брат, хмурясь, водил пальцем по краю бокала, а меня терзала одна мысль, объясняющая происходящее. Ногара был куратором выставки, а значит, у него имелись причины искать дружбы с Симоном. Начальник моего брата – директор музеев, в свою очередь, подчинялся дяде Лучо. Выход на Лучо объяснял, как Ногара очутился в таких апартаментах.

– Что же вы делали там, в пустыне, когда здесь у вас такое замечательное жилье? – спросил я. – Мы с Петросом за подобную квартиру бы убили.

Чем внимательнее я присматривался, тем более странным казалось мне это жилище. Кухню составляли мини-холодильник, плита с двумя конфорками и бутылка с водой. Через комнату тянулась бельевая веревка, но ни раковины, ни стиральной машины я не увидел. Все казалось импровизированным, словно он только что въехал. Складывалось ощущение, что дружба с Симоном приносила дивиденды быстрее, чем Ногара рассчитывал.

– Открою вам один секрет, – сказал Уго. – Меня тут поселили из-за моей выставки. И она же – причина, по которой я попросил вашего брата пригласить сегодня вас.

Зажужжал таймер, и Ногара повернулся к плите, на которой готовилась еда. Я глянул на Симона, но он старался не встречаться со мной глазами.

– Так вот, – сказал Ногара, и на его лице появилось хитрое выражение, – позвольте мне описать место действия. – Он поднял деревянную ложку, как дирижерскую палочку. – Попрошу вас представить себе самую популярную выставку в мире. В прошлом году такой выставкой стал показ коллекции работ Леонардо в Нью-Йорке. В среднем, семь тысяч посетителей в день. Семь тысяч! Каждые двадцать четыре часа по залам проходило население небольшого городка.

Ногара выдержал театральную паузу.

– Теперь, святые отцы, вообразите себе нечто большее. Намного большее. Поскольку моя выставка побьет этот результат вдвое.

– Каким образом?

– Обнародовав кое-что новое о самом знаменитом изображении в мире. Изображении настолько известном, что оно привлекает больше внимания, чем Леонардо и Микеланджело, вместе взятые. Изображении, которое вызывает больший интерес, чем целые музеи. Я говорю об изображении на Туринской плащанице.

Я был рад, что Петрос не видит моего лица.

– Да, я знаю, какие мысли сейчас роятся в вашей голове, – сказал Ногара. – Мы провели радиоуглеродный анализ плащаницы. Исследования показали, что это подделка.

Я знал это лучше, чем он себе представлял.

– И все-таки даже сейчас, – продолжал Ногара, – когда мы выставяем плащаницу, она притягивает миллионы паломников. На недавней выставке она собрала два миллиона человек за восемь недель. Восемь недель! И все лишь для того, чтобы увидеть реликвию, ценность которой, предположительно, опровергнута. Смотрите сами: плащаница привлекает в пять раз больше посетителей, чем самая популярная музейная выставка в мире. Представьте себе, сколько людей придет, когда я докажу, что радиоуглеродная датировка Туринской плащаницы оказалась ошибочной.

– Доктор, вы смеетесь надо мной? – запинаясь, произнес я.

– Ничуть. Моя выставка покажет, что плащаница – настоящее погребальное полотно Иисуса Христа!

Я повернулся к Симону, ожидая, что он скажет. Но он промолчал, и последовать его примеру было бы неприлично. Результаты радиоуглеродной датировки потрясли нашу церковь и сломили моего отца, который возлагал большие надежды на научное подтверждение подлинности плащаницы как на объединяющую идею для католиков и православных. Всю свою профессиональную жизнь отец потратил на поиск друзей «с той стороны», и перед объявлением вердикта радиоуглеродного анализа он и его помощник Майкл Блэк упрасивали, уговаривали, умоляли православных священников по всей Италии поехать вместе с ними на конференцию в Турин. Рискуя навлечь на себя неудовольствие

своего иерарха, некоторые священники откликнулись. Это стало бы краеугольным камнем истории, если бы не обернулось катастрофой. Радиоуглеродный анализ датировал льняное полотно Средними веками.

– Доктор, – сказал я, – шестнадцать лет назад людям уже разбили сердце. Прошу вас, не заставляйте их снова через все это пройти.

Но Уго не растерялся. Он, не говоря ни слова, подал нам еду, потом сполоснул руки водой из бутылки и сказал:

– Пожалуйста, ешьте. Я вернусь через минуту. Важно, чтобы вы сами увидели.

Он ушел за ширму, а я прошептал Симону:

– Ты зачем меня сюда привел? Чтобы это слушать?

– Да.

– Симон, он пьян!

Брат кивнул.

– Он отключился в пустыне не от теплового удара.

– Тогда что я здесь делаю?

– Ему нужна твоя помощь.

Я провел рукой по бороде.

– Знаю одного священника из Трастевере^[4], который ведет программу «Двенадцать шагов»^[5].

– Проблема – вот здесь. – Симон постучал себя по голове. – Уго боится, что не успеет подготовить выставку.

– Как ты можешь ему помочь? Ты действительно хочешь заново пережить все, что тогда случилось с отцом?

Когда объявлялись результаты исследования, каждый телевизор страны показывал пресс-конференцию. В тот вечер из всех звуков в Ватикане остались лишь голоса играющих в садах детей, потому что нашим родителям надо было побыть одним. Переживания ранили моего отца слишком глубоко, он от них так и не оправился. Майкл Блэк его покинул. Телефонные звонки от старых друзей – от друзей-православных – сошли на нет. Сердечный удар настиг отца два месяца спустя.

– Послушай меня, – прошептал я. – Это – не твоя забота.

Симон прищурился.

– Мой рейс на Анкару вылетает через четыре часа. Его рейс на Урфу – только на следующей неделе. Мне нужно, чтобы ты последил за ним до его отъезда.

Я ждал. Во взгляде брата сквозило что-то еще.

– Уго хочет попросить тебя об одолжении, – сказал Симон. – Если не захочешь этого делать для него, тогда я прошу, чтобы ты сделал это для меня.

По коридору к нам приближалась тень Ногары. Она остановилась, когда самого доктора еще не было видно, и, как актер, готовящийся к выходу на сцену, Ногара перекрестился. В левой руке он держал что-то длинное и тонкое.

– Вот увидишь, – прошептал Симон, – когда Уго расскажет тебе, что он отыскал, ты тоже в него поверишь.

Ногара вернулся с отрезом ткани. Он развернул его, повесив на бельевую веревку, и исполненным почтения тоном произнес:

– Уверен, что в представлении это не нуждается.

Я застыл. Передо мной было изображение, которое многие годы пролежало нетронутым в моей памяти: два силуэта цвета ржавчины, соединенные вместе головами, один – человек спереди, другой – сзади. Поверх силуэтов виднелись пятна крови: вокруг головы, от тернового венца; на спине, от бичевания; и под ребром, от удара копьем в бок.

– Репродукция Святой плащаницы в масштабе один к одному, – сказал Ногара, подняв руку, но не дотрагиваясь до полотна. – Четырнадцать футов в длину, четыре фута в ширину.

Изображение вызывало у меня странное беспокойство. Древняя традиция восточных христиан, как православных, так и католиков, состоит в том, что иконы – это портреты святых и апостолов, которые веками аккуратно копируются один с другого. Царицей всех этих изображений поистине являлась Святая плащаница, образ, лежащий в сердце нашей веры.

Кроме того, плащаница – величайшая наша реликвия. В Библии сказано, что кости Елисея воскресили человека из мертвых и что недужные исцелялись, прикоснувшись к одеждам Иисуса, и поэтому по сей день каждый католический алтарь и каждый православный антиминс^[6] хранят внутри реликвию. Почти ни одна из них не может похвастаться тем, что касалась Господа, и лишь плащаница может считаться его автопортретом. Еще никогда не лишали статуса настолько важный священный предмет.

Но и после углеродной датировки церковь не переносила плащаницу в музей, хотя и прятать ее подальше тоже не стала. Кардинал Турина сказал, что теперь неправильно называть плащаницу реликвией, но приказа убрать полотно из собора не отдал. После радиоуглеродного анализа Иоанн Павел не ездил к плащанице десять лет. Но когда все же приехал, то назвал плащаницу даром Бога и призвал ученых продолжать ее изучение. С тех пор плащаница так и осталась в наших сердцах – в моем сердце. Нам нечего было противопоставить радиоуглеродному анализу. Но мы верили, что еще не услышали последнего слова, и пока это слово не сказано, мы не оставим беззащитных и не покинем всеми покинутых.

Моя тревога усилилась, когда я увидел, что теперь и Петрос обратил внимание на полотно. Я никогда не говорил с ним о плащанице. Не стоило вываливать на ребенка всю сложность моих чувств по отношению к ней.

– Первое, что вы должны знать, – начал Ногара, – то, как плащаница закрывала тело Иисуса. Ее не положили сверху, как простыню. Ее положили под тело, потом – сверху, идя сплошной лентой. Вот почему вы видим изображение спереди и изображение сзади. Но остановиться я хочу вот на этих отметинах. – Он указал на отверстия в форме тыквы, все они складывались в некую схему, совпадающую со складками полотна. – Они прожжены.

– Кто их прожег? – спросил Петрос.

– Начался пожар, – сказал Уго. – В тысяча пятьсот тридцать втором году плащаница хранилась в реликварии из серебра. Огонь растопил его часть. Капля расплавленного серебра упала на плащаницу, прожигая каждый слой сложенной ткани. Поврежденные участки полотна должны были восстановить монахини-клариссинки. И тут я подхожу к основной моей мысли.

Ногара вытащил с полки какой-то специализированный журнал и протянул мне. На обложке стояло: «Thermochimica Acta».

– В январе, – продолжил он, – в этом научном журнале опубликует статью американский химик из национальной лаборатории в Лос-Аламосе. Один приятель из Понтификальной академии наук прислал мне сигнальный экземпляр. Взгляните сами.

Я пролистал страницы. С тем же успехом они могли быть написаны на китайском. «Энтальпия растворения глицина». «Термический анализ полиэфиров, содержащих силикон или германий в основной цепи».

– Пролитните в конец, – сказал Ногара. – Последняя статья перед указателем.

Вот она: «Радиоуглеродные исследования образца с Туринской плащаницы».

Она содержала картинки, напоминающие червей на стекле микроскопа, и графики, которые мне понять не под силу. Но в начале текста стояли два предложения, чей общий смысл я уловил:

Результаты пиролитического и масс-спектрометрического анализов, в сочетании с микроскопическими и микрохимическими наблюдениями, доказывают, что образец, подвергнутый радиоуглеродному анализу, не является частью оригинального полотна Туринской плащаницы. Таким образом, данные радиоуглеродного анализа недействительны для определения подлинного возраста полотна.

– Проба не являлась частью плащаницы? – воскликнул я. – Как это возможно?

– Мы не поняли, какую огромную работу проделали клариссинки, – вздохнул Ногара. – Думали, они пришили заплатки на дырки. Но не знали – не разглядели, – что они, помимо этого, вплели нити в саму плащаницу, чтобы укрепить ее. Эти нити оказались видны только под микроскопом. И по незнанию, мы проводили анализ ткани, в которой оригинальный лен перемежался с реставрационными нитями. Этот американский химик первым обнаружил ошибку. Один его коллега рассказал мне, что некоторые части образца даже не были льняными. Монахини чинили ткань хлопком.

По комнате растекся холодок. В глазах Ногары горело едва сдерживаемое ликование.

– Ал, – прошептал Симон, – вот! Вот оно наконец!

Я провел пальцем по журналу.

– Выставка будет посвящена результатам этих научных исследований? – спросил я.

Уго позволил себе улыбнуться.

– Эти исследования – только начало. Если плащаница действительно датируется тридцать третьим годом нашей эры, что тогда происходило с ней в следующую тысячу лет? Я много месяцев закапывался все глубже и глубже в историю плащаницы, пытаюсь разрешить величайшую тайну ее прошлого: где она скрывалась тринадцать веков, пока внезапно не возникла во Франции? И у меня есть очень хорошие новости... Если вы не возражаете прервать ужин, я бы хотел, чтобы вы все кое-куда со мной пошли.

Он достал из ящика увесистую связку ключей от целой батареи засовов и цепочек на входной двери. Потом сунул в карман полиэтиленовый пакет из холодильника.

– Куда пойдем? – спросил Петрос.

– Тебе понравится! – подмигнул ему Уго.

Когда мы, пройдя вслед за Ногарой по дворцовым залам, вышли к задним дверям собора Святого Петра, уже опускалась темнота. Санпьетрини, смотрители базилики, понемногу сгоняли туристов к выходам. Но Уго они узнали и нас четверых оставили в покое.

Неважно, сколько раз я входил в эту церковь, – у меня всегда пробегала по телу дрожь. Когда я был ребенком, отец сказал мне: «Собор Святого Петра такой высокий, что внутри могли бы стоять друг на друге, хвост к голове, три кита, словно циркачи на моноцикле, и еще

бы осталось место, чтобы верхний надел на голову Колизей, как корону». На полу были отмечены размеры других знаменитых соборов и выгравированы золотыми буквами, будто могильные камни маленьких рыбок на брюхе Левиафана. Место, созданное человеческими руками, но не человеческих масштабов.

Уго подвел нас к алтарю под куполом Микеланджело и обвел рукой четыре угла вокруг нас. В каждом стоял мраморный столб.

– Вы знаете, что внутри этих колонн?

Я кивнул. Колонны – каждая величиной примерно с парижскую Триумфальную арку – представляли собой сооружения из прочного бетона и камня, воздвигнутые для поддержки огромного купола. Внутри поднимался к закрытой лоджии узкий проход, где мог поместиться один человек. По особым случаям каноники собора выставляли для всеобщего обозрения необыкновенное содержимое лоджий.

Реликвии.

Пятьсот лет назад, когда папы эпохи Возрождения вознамерились поставить величайшую церковь в человеческой истории, они расположили четыре самых чтимых артефакта христианства в реликварии внутри этих колонн. Затем создали четыре статуи, тридцати футов высотой, обозначающие, что лежит в каждой колонне.

– Святой Андрей, – сказал Уго, указывая на первую колонну. – Брат святого Петра. Первозванный из апостолов. В эту колонну был положен его череп.

Уго повернулся. Теперь его палец указывал на статую женщины, несущей гигантский крест.

– Святая Елена, – сказал он. – Мать Константина, первого христианского императора. Она посещала Иерусалим и вернулась с Животворящим крестом. Дерево от креста папы поместили в эту колонну.

Третья статуя изображала женщину, бросившуюся вперед с раскинутыми руками. Она держала изображение, пожалуй, самой загадочной реликвии базилики.

– Святая Вероника, – сказал Уго. – Женщина, которая отерла лицо Иисусу, когда он нес крест на Голгофу. На ее плате мистическим образом остался отпечаток его лица. В эту колонну поместили плат.

Наконец, он повернулся к четвертой статуе.

– Святой Лонгин. Солдат, который ранил распятого Иисуса копьем в бок. В этой колонне хранится копьё Лонгина.

Ногара повернулся к нам.

– Как вы, возможно, знаете, лишь три из этих реликвий по-прежнему на своих местах. В качестве жеста доброй воли голову святого Андрея мы подарили православной церкви. Но голова, так или иначе, все равно изначально здесь не хранилась. Реликвии этой базилики могли бы рассказать самую важную историю в христианстве. – Голос Ногары задрожал. – Животворящий крест, плат и копьё – все это реликвии, связанные со смертью Господа. Но в четвертой колонне должна находиться реликвия, связанная с Его воскресением. Иоанн Павел, получив в подарок плащаницу, собирался переместить ее сюда. Но радиоуглеродный анализ вызвал целую бурю сомнений, и в такой обстановке перевезти плащаницу из Турина стало невозможным. Теперь мы наконец это исправим. Моя выставка приведет плащаницу домой.

Он понизил голос, так что нам с Симоном пришлось наклониться, чтобы расслышать.

– Я нашел древние тексты, описывающие образ, который хранился в городе под

названием Эдесса много веков до того, как плащаница появилась во Франции. Сейчас это турецкий город Урфа, именно там ваш брат спас меня и отвез в больницу. Я проследил историю пребывания нашей плащаницы в том месте вплоть до четырехсотых годов нашей эры. Теперь я хочу сделать больше: финал моей выставки докажет, что этот так называемый Эдесский убрус доставлен из Иерусалима руками самих апостолов. И к этой части моей работы я планирую привлечь и вас, отец Алекс.

Прежде чем продолжить, он вынул из кармана пластиковый пакет, который захватил с собой из квартиры. Из пакета он извлек нечто странное: пластмассовую ложку, напоминающую барабанную палочку. Потом наклонился, оказавшись на одном уровне с Петросом, и сказал:

– Петрос, мне надо немножко поговорить с твоим отцом с глазу на глаз, поэтому я для тебя кое-что захватил.

Кончик ложки покрывало нечто светлое и комковатое.

– Это что такое? – спросил Петрос.

– Сало. И в этой базилике оно приобретает магические свойства. – Уго подвел Петроса к открытому месту близ алтаря. – Держи вот так и делай вид, что ты статуя. Не шевели ни одним мускулом.

Мгновение спустя из-под купола слетел голубь. Он спланировал на кусок сала и начал клевать. Петрос так изумился, что чуть не выронил ложку.

– Теперь иди, куда тебе захочется, – прошептал ему Уго. – Выведи своего нового друга на прогулку. Я заметил, что птицы здесь совсем ручные.

Петрос был в восторге. С голубем, сидевшим всего в нескольких дюймах от его руки, он начал перемещаться по пустому нефу, так осторожно, словно держал в руке свечу. Все мы на время замолчали, наблюдая за ним.

Затем Уго снова повернулся ко мне.

– Как уже было сказано, я надеялся доказать, что из Иерусалима в Эдессу плащаницу привезли апостолы. Разумеется, отыскать тому доказательство нелегко, но я верю, что наконец попал на след. Дело в том, что Эдесса – одна из столиц раннего христианства, и в середине сотых годов нашей эры там было написано одно Евангелие. Это Евангелие стало называться Диатессарон, что, как вы наверняка знаете, по-гречески означает «сделанный из четырех»: оно представляет собой соединение четырех канонических Евангелий в единый текст. Поскольку в то самое время, когда писалось сие Евангелие, плащаница должна была находиться в Эдессе, я полагаю, что автор мог упомянуть о реликвии.

Я собрался перебить его, но Уго поднял руку.

– Трудность доказательства состоит в том, что Диатессарон чрезвычайно редкая книга. Единственные уцелевшие копии – это переводы на другие языки, сделанные несколько веков спустя. Все оригинальные копии уничтожили сами епископы Эдессы, сделав выбор в пользу четырех отдельных Евангелий. По крайней мере, так гласит история. Но недавно я убедился, что, похоже, все совсем не так.

– Вы нашли рукопись Диатессарона?! – вырвалось у меня. – На каком языке?

– Это двуязычная книга. С одной стороны сирийский, с другой – древнегреческий.

– Значит, оригинальный текст!.. – потрясенно выговорил я.

Диатессарон был написан на одном из этих языков и так быстро переведен на второй, что сегодня никто не знает, какой вариант появился первым.

– К сожалению, – продолжил Уго, – что на одном, что на другом языке я читаю плохо.

Однако отец Симон говорил, что вы на одном из них бегло читаете. И я хотел поинтересоваться, не захотите ли вы мне помочь...

– Разумеется! У вас есть изображения?

– Увы, книгу не... не так легко сфотографировать. Я обнаружил ее в таком месте, где мне не положено находиться, так что принести ее вам, святой отец, я не могу. И мне придется привести вас к ней.

– Не понимаю.

Уго смутился.

– Единственный человек, которому я все рассказал, – это отец Симон. Если все вскрыется, я потеряю работу. Ваш брат убеждал меня, что вы умеете хранить секреты, – это так?

За одну возможность взглянуть на книгу я пообещал бы Уго что угодно. После окончания семинарии я всю жизнь преподавал Евангелие, и первый постулат моей науки состоит в том, что полный текст Евангелий миру дали несколько древних рукописей. Жизнеописание Иисуса Христа, в том виде, в котором оно известно современным христианам, – сплав нескольких очень древних текстов, слегка отличающихся друг от друга и соединенных в единую версию современными учеными. Исправления в нее продолжают вносить даже сейчас, по мере возникновения новых открытий. Диатессарон был сконструирован путем такого же слияния более старых текстов и мог показать Евангелия в том виде, в котором они существовали в сотых годах нашей эры, задолго до самых ранних из дошедших на сегодня до нас рукописей. Он мог добавить новые факты к тому, что мы знаем о жизни Иисуса, и поставить под сомнение некоторые из тех, что казались нам непреложными.

– Я готов полететь в Турцию уже на следующей неделе, – сказал я. – Если надо, могу раньше.

Сердце замирало у меня в груди. Сейчас июнь; вести уроки мне придется не раньше осени. На счете хватит денег, чтобы купить два билета на самолет. Остановиться мы с Петросом можем у Симона.

– Боюсь, вы меня не поняли, – нахмурился Уго. – Я не прошу вас ехать со мной в Турцию. Книга – здесь, святой отец!

Я вышел вслед за Симоном из столовой и стал подниматься к Лео, а в голове у меня крутилась единственная мысль: плащаница – здесь! Погребальное полотно Христа – в этих городских стенах! Может быть – уже спрятано под замок в колонне собора Святого Петра. Может быть, новость скоро станет всеобщим достоянием.

Появление плащаницы придавало выставке Уго новое звучание. Бумаги, предъявленные водителем грузовика, подписал архиепископ Новак, а значит, о перевозке реликвии распорядился сам Иоанн Павел. Вот уже шестнадцать лет, со времен проведения радиоуглеродного анализа, церковь не делала по поводу плащаницы никаких официальных заявлений. И вдруг все стремительно начало меняться. Я на время забыл о смерти Уго и взломе квартиры, позволив мыслям течь в новом русле. Не пытался ли Уго в своем письме сказать мне, что он смог привезти сюда плащаницу, но столкнулся с непредвиденными трудностями?

«Выяснились кое-какие факты. Это срочно».

Христианские реликвии способны всколыхнуть самые сокровенные чувства. В прошлом году на Рождество мы с Петросом смотрели по телевизору сюжет о крупной ссоре между священниками и монахами Вифлеема, всего лишь из-за разногласия в вопросе, кому с какой стороны базилики Рождества Христова разрешено подметать мусор. В начале этого года в помещении, где проходила международная конференция по плащанице, пришлось поставить вооруженного охранника, а священник – хранитель реликвии спешно ретировался из конференц-зала из-за бурной реакции на предложение слегка почистить поверхность полотна. А что было бы, выйди слух о перевозке плащаницы наружу? Большинство жителей Турина наверняка пришли бы в восторг, узнав о планах Уго установить подлинность реликвии и воздать ей подобающие почести, но горстка несогласных могла бы отреагировать иначе... На моей памяти нападение в Кастель-Гандольфо случилось всего один раз, и вызвали его причудливые религиозные галлюцинации: психически больной человек едва не набросился на Иоанна Павла в Садах Ватикана, после попытался удрать по шоссе в сторону Рима и отбивался от итальянской полиции топором. В карманах сумасшедшего обнаружили записи бессвязных рассуждений о соперничестве с богами. Приезд плащаницы мог спровоцировать нечто подобное, и мне оставалось благодарить Бога, что Петрос и Хелена не пострадали.

Чтобы не отставать от Симона, пришлось бежать трусцой. Мне хотелось узнать его соображения, но брат уже исчез. Когда я зашел в квартиру, на пороге детской появилась София и сказала:

– Он пошел наверх.

И показала на крышу. Самое уединенное место в здании.

Я двинулся следом за Симоном, но София тронула меня за руку и прошептала:

– Петрос тебя зовет.

Я свернул в детскую. Мой сын сидел на нашей временной кровати. Свет был приглушен, на полу валялись книги и плюшевые звери из рядом стоявшего манежа. Петрос тяжело дышал, казалось, он запыхался после изнурительного бега.

– Что случилось? – спросил я.

Воздух вокруг него был влажным и теплым. Петрос протянул ко мне руки.

– Плохой сон приснился? – спросил я.

В возрасте Петроса начинаются ночные кошмары и хождение во сне. Симон в свое время страдал и от того и от другого. Я усадил сжавшегося от страха малыша себе на колени и погладил по голове.

– А давай еще раз почитаем про Тотти? – прошептал он, словно в бреду.

Тотти. Атакующий полузащитник «Ромы».

– Конечно, – ответил я.

Петрос наклонился и пошарил на темном полу в поисках книжки. Но с моих колен постарался не слезать. Один раз я его уже оставил.

– Петрос, все кончилось, – пообещал я, целуя его влажный затылок. – Бояться нечего. Здесь ты в безопасности.

Я остался с ним, пока он снова не заснул, желая убедиться, что все в порядке. Когда я выскользнул из детской, Лео уже вернулся домой, и София разогревала ему еду. На кухне я заметил, как Лео, наклонившись за поцелуем, погладил ей живот. Не дожидаясь приглашения поужинать, я извинился и пошел на крышу – искать Симона.

Его волосы бешено развевались на ветру. Лицо осунулось. Он неподвижно глядел вниз, на огни Рима – так, вероятно, смотрит на море вдова моряка.

– Как ты? – спросил я.

Он неуверенной рукой похлопал себя по карманам в поисках отложенной на крайний случай пачки сигарет.

– Не могу понять, что мне теперь делать, – пробормотал он, не глядя на меня.

– И я.

– Он мертв.

– Знаю.

– Сегодня днем я ему звонил. Поговорили про выставку. Не верю, что он погиб.

– Знаю.

Голос Симона стал еще тише.

– Я сидел рядом с его телом и пытался разбудить.

У меня в груди заныло.

– Уго вложил всю душу в эту выставку, – продолжал брат. – Все ей отдал.

Он зажег сигарету. Его лицо исказилось мучительной гримасой отвращения.

– Почему надо было позволить ему умереть за неделю до открытия? На самом пороге?

– Это – дело рук человеческих, – сказал я. Чтобы напомнить, куда стоит направить его гнев.

– И зачем понадобилось вызывать туда меня? – продолжал он, не слушая.

– Стоп. Все это – не твоя вина.

Симон выпустил в темноту длинный дымок.

– Моя. Я обязан был его спасти.

– Тебе повезло, что тебя там не было. То же самое могло случиться и с тобой.

Брат с горечью посмотрел на небо, потом уставился вниз, на пустырь, где мы в детстве играли. Кто-нибудь из семей гвардейцев всегда вытаскивал на террасу надувной бассейн. Сейчас от него осталось лишь мокрое пятно.

– Ты думаешь, это связано с плащаницей? – спросил я, понизив голос. – С ее перевозкой из Турина?

Из ноздрей Симона выползли два шупальца дыма. Невозможно было понять, размышляет ли он над моим предположением.

– Никто не знал, что ее перевезли сюда, – категорично заявил он.

– Известия трудно скрыть. Люди многое слышат. Так же, как мы сейчас услышали историю от Лео.

Потребовалась целая бригада рабочих, чтобы погрузить новый реликварий плащаницы в грузовик. Священники – чтобы открыть часовню. Затем еще несколько рабочих и еще несколько священников – чтобы разгрузить машину. Если хотя бы один из них упомянул новость в разговоре с женой, с другом, с соседом...

– В ту ночь Уго сидел в грузовике, – сказал я. – Всякий, кого задействовали в перевозке, его видел. Может быть, поэтому его преследовали.

– Но ни тебя, ни меня не видели. Зачем преследовать нас?

– Так что же, по-твоему, произошло?

Симон стряхнул с сигареты пепел, глядя, как уголек, кувыркаясь, полетел в темноту.

– Уго ограбили. Я не знаю, что произошло в квартире, но здесь нечто другое.

И все же в голосе у него звучало едва заметное сомнение.

Зазвонил мой мобильный. Я глянул на экран.

– Дядя. Ответить?

Симон кивнул.

– Александр? – спросил на другом конце глубокий, неспешный голос.

Кажется, дядя Лучо недоумеваает всегда, когда люди сами отвечают по своему телефону.

Он не может понять, почему у всех остальных нет священников-секретарей.

– Да, – сказал я.

– Где ты сейчас? Симон и Петрос – в безопасности?

Он наверняка уже знал о взломе.

– У нас все хорошо. Спасибо, что спросил.

– Мне говорили, что сегодня вечером вы оба были в Кастель-Гандольфо.

– Да.

– Ты, должно быть, очень огорчен. Я распорядился, чтобы для вас троих на сегодня приготовили гостевые комнаты, так что скажи, где вы, и я пришлю машину.

Я замялся. Симон уже качал головой и шептал:

– Нет. Этого мы делать не будем.

– Спасибо, – сказал я, – но мы сейчас у одного нашего друга, в казармах швейцарской гвардии.

Ответа не последовало, лишь знакомое молчание, провозвестник недовольства моего дяди.

– Тогда я хочу видеть вас завтра у себя во дворце, – сказал он наконец. – С утра. Обсудить ситуацию.

– Когда именно?

– В восемь. И Симону тоже передай. Рассчитываю увидеть и его.

– Мы придем.

– Рад слышать. Спокойной ночи, Александр!

Трубка бесцеремонно отключилась.

Я повернулся к Симону.

– Он хочет встретиться с нами в восемь.

Новость не произвела никакого впечатления.

– Так что, наверное, надо поспать.

– Ты иди. А я буду спать здесь, – вдруг заявил Симон.

Здесь. На открытом воздухе. Под окнами папы.

– Да ладно тебе, – сказал я. – Пойдем внутрь.

Но все было безнадежно. Не спать на кровати – обычная практика самоистязания среди священников, и она, по крайней мере, здоровее, чем затягивание веревки на бедре. Наконец я сдался и сказал, что приду за ним утром. Ему необходимо побыть одному. А я решил сегодня вечером помолиться за брата.

Когда я вернулся, Лео и София уже ушли спать, тем самым дав понять, что отдали квартиру в мое распоряжение. А я надеялся узнать у Лео, о чем говорили в столовой после нашего ухода... Что ж, придется обождать с расспросами до завтра. На моем старом добром друге – раскладном диване, ветеране былых попок – лежали сложенные простыни. Давняя географическая карта пятен на нем исчезла, пав жертвой женской руки. За дальней дверью в спальню я различал слабые звуки, которые вряд ли были звуками любви – для этого мои друзья слишком деликатны. Впрочем, как большинство священников, я не ручаюсь за человеческую природу.

Когда я снова заглянул в детскую, Петрос лежал, закопавшись в простыни. Его греческий крестик, который он почему-то решил снять с шеи, выскользнул из раскрывшейся ладошки на пол. Я подобрал его и положил в дорожную сумку, потом встал на колени у окна. Там лежала Библия, греческая, я упаковал ее с собой, когда мы уходили из дома, – та самая Библия, по которой мы с Петросом учились складывать слова. Сжав ее в руках, я попытался унять чувства. Обуздать страх, таящийся во тьме, и ярость, разгоравшуюся от мысли, что Петросу грозит опасность в нашем собственном доме. Гнев издавна живет в греческой душе. Это первое слово нашей литературы^[7]. Но надо было успокоиться. То, что я собирался сделать, я уже сотни раз делал для Моны.

«Господи, как я молюсь о прощении собственных грехов, так молюсь и о прощении их грехов. Как молю Тебя простить мне, так и я прощаю им. Как они грешники, так и я грешен. Кирие элейсон! Кирие элейсон!»

Я повторил эти слова дважды в попытке сосредоточиться на них, но мысли мои путались. Я понимал, что если швейцарские гвардейцы выставили у казарм дополнительных часовых, на то были веские причины. И не зря Лучо вызывает нас к себе. Говоря Петросу, что мы в безопасности, я даже не надеялся. Я откровенно лгал.

Глаза привыкли к темноте, и я стал разглядывать зверей, которых София нарисовала на стенах детской. На двери висела вешалка с детской одеждой, сшитой хозяйкой дома. Еще болезненнее, чем обычно, я почувствовал отсутствие Моны. Ее семья по-прежнему жила в городе. Несколько двоюродных братьев и дядьев – по большей части водопроводчиков, которые гоняли не приглянувшихся им молодых людей куском трубы. Если бы я попросил у них защиты, они бы, наверное, посменно присматривали за Петросом и за мной. Но я бы скорее уехал из города вместе с сыном, чем стал им обязанным.

В темноте я расстегнул сутану и сложил на стул. Потом улегся рядом с сыном и попытался придумать, чем мне назавтра его занять. Как стереть из его памяти воспоминание о сегодняшнем вечере. Я на ощупь погладил Петроса по плечу, не зная, на самом ли деле он спит, и мне вдруг захотелось, чтобы он отозвался. С тех пор как ушла жена, число моих

одиноких ночей не убывало. Лишь притупилась боль, и это тоже было печально. Мне не хватало Моны.

Я ждал, когда придет сон. Ждал и ждал... Кажется, ждал уже целую жизнь.

Евангелия говорят, что Иисус готовил своих последователей ко второму пришествию, рассказывая притчи. Он сравнивал себя с хозяином, который оставил свой надел и отправился на свадьбу. Мы, его слуги, не знаем, когда вернется хозяин. И поэтому должны ждать его у дверей и не гасить ламп. «Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими». И если мне придется ждать возвращения жены всю жизнь – это не дольше, чем пришлось ждать любому христианину за последние две тысячи лет.

Но в такие ночи, как эта, ожидание отдавалось болью, громко стучащей в бесконечной пустоте. Мона была робкой, застенчивой и таинственной. Ее стеснительность перекликалась с моими поисками себя. Кто я такой и зачем пришел в этот мир, когда у родителей уже был Симон?

В детстве я, старший на два года, мало обращал на нее внимание. Правда, и она была слишком скромной, чтобы ее замечали. Возможно, сказывалось и то, что девочка росла в стенах Ватикана. На фотографиях в квартире ее родителей можно проследить, как задорный круглолицый ребенок постепенно превращался во все более привлекательную девчущку. В десять она совершенно невзрачна: темные взъерошенные волосы, водянистые зеленые глаза, толстые щеки. К тринадцати все переменялось: уже вполне отчетливо видно, что в один прекрасный день из нее получится что-то необыкновенное. К пятнадцати, как раз когда я готовился ехать в колледж, метаморфоза началась. И Мона это осознавала: следующие три года стали временем новых причесок и экспериментов с косметикой. Казалось, она одним глазком заглянула через стену в Рим и увидела, как выглядит современная женщина. Фотографии ее родителей были тщательно обрезаны, но сама Мона однажды отметила, что на некоторых все же видны глубокие вырезы и короткие юбки. Она рассказала мне о тайных вылазках в Рим с целью купить туфли на высоком каблуке и украшения – вылазках, во время которых она обнаружила, что одобрителный свист ад ресован, оказывается, вовсе не другим женщинам.

Я часто спрашивал себя, не было ли в ее жизни психологической травмы, о которой она мне не рассказывала? Сохранилась только одна фотография Моны со времен ее учебы на медсестру. Она там очень худа, с ввалившимися глазами. Мона объясняла мне, что после вольницы старших классов работа упала на нее тяжелым бременем. Я всегда воспринимал это как просьбу не проявлять излишнего любопытства. Я был не первым ее мужчиной, но все равно наша брачная ночь оказалась ужасной. Я недооценил, насколько психологически тяжело заниматься любовью с будущим священником. Привыкнув к обществу мужчин, я никогда не стыдился наготы и мог расхаживать по дому полураздетым. Мне казалось, я развею ореол таинственности одеяния священника, если покажу, что под ним скрывается обычный человек. И тем не менее прошла почти неделя, прежде чем мы консумировали брак. После нескольких дней фальстартов я испугался, что наша любовь будет механической и пронизанной страхом.

Этого не случилось. Устав обороняться, Мона отдалась страсти. Она искусывала мои губы до крови. Соседи избегали смотреть мне в глаза, оскорбленные звуками, доносившимися с верхнего этажа. Мы с Моной с нетерпением ждали новой ночной встречи. В мире строгой дисциплины мы радовались жизни и чувствовали себя свободными.

Мир строгой дисциплины. Вот о чем мне следовало беспокоиться. Некоторые наши

соседи с недоверием относились к женатому священнику, вне зависимости от того, чем мы занимались в постели. Мона остро чувствовала их неодобрение. Каждое общественное событие добавляло новых проблем. Соборы священников предназначены для того, чтобы одинокие, соблюдающие целибат мужчины отдыхали в обществе других таких же мужчин. Священники вместе пьют и едят, играют в футбол и курят сигары, посещают музеи и археологические раскопки. Привести красивую женщину в компанию священнослужителей – жестокая оплошность. Но, отказываясь от приглашений лишь потому, что женат, рискуешь однажды перестать получать приглашения. Мы с Моной сошлись на том, что я должен ходить на некоторые мероприятия, просто чтобы меня не вычеркнули из списков. Я предлагал ей в это время навещать друзей в Риме или наведываться в гости к другим ватиканским женам. Но через некоторое время узнал, что все вечера она проводила одна.

Несправедливо было бы в чем-либо обвинять культуру нашей страны. Мы могли бы жить за пределами этих стен, в принадлежащей церкви римской квартире. Разумеется, ни я, ни Мона не питали иллюзий о жизни в Ватикане. Но между нами было одно огромное различие, и я обнаружил его лишь после того, как мы поженились. А именно: мои родители умерли, а ее – притворялись, что живы.

Синьор и синьора Фальчери жили на соседней улице, в квартире неподалеку от казарм жандармов. Они одобряли наш брак и не устраивали скандала, когда Мона перешла из римско-католической церкви в грекокатолическую. Но лишь когда началась наша семейная жизнь и прекратились взаимные расшаркивания, я узнал, какой ужасный человек моя теща. Отец Моны работал радиотехником на Радио Ватикана. Он совершил ошибку, женившись на женщине, которую не уважал. Синьора Фальчери неплохо готовила и отличалась своеобразным чувством юмора, и я не сразу начал понимать, когда оно ее подводит. Лишь впоследствии Мона рассказала, что отец был родом из большой семьи и хотел много детей. Мать чуть не умерла, рожая Мону, и врачи обнаружили у нее дефект матки, еще одна беременность могла стать фатальной. Теперь они навещали нас по отдельности. Мону не слишком радовали встречи с отцом. Но после визитов драгоценной матушки она оказывалась совершенно разбитой.

Греку не нужно объяснять, что трагедия начинается в семье. Я знал, Мона боится стать такой же, как мать. Когда она была беременна Петросом, первые два триместра прошли мирно, и мы решили, что заклятие снято. А потом в третьем триместре мы дважды чуть не потеряли ребенка. Врачи уверяли, что беременность длится уже долго, а значит, Петрос будет жить. И тут тело Моны принялось отвергать плод. В конце концов ее пришлось спешно доставить в родильную палату, поскольку пуповина начала душить плод. Когда наш сын наконец родился, акушер назвал его Геркулесом – ребенок выжил, несмотря на петлю, которая, как змея, дважды обмоталась ему вокруг шеи. Потом Мона плакала и говорила, что чуть не убила собственного сына.

В следующие месяцы женщина, на которой я женился, словно исчезла. Я чаще видел, как теща кормит Петроса из бутылочки, а не как Мона дает ему грудь. Синьора Фальчери помогала Моне, пока я был на работе, и до сего дня я не могу видеть лицо этой женщины без мыслей о том, как она мучила мою жену. Мона сидела на диване, пытаясь отыскать крупицы счастья в безумии, творившемся у нее в мозгу, а мать тем временем, как будто делясь заботливым советом, доказывала ей, что наши нынешние трудности – ничто в сравнении с грядущими. Что мы не должны себя обманывать. Что грусть – это цветок. Я перекопал целые библиотеки в поисках источника пословицы «Грусть – это цветок» – и нигде не нашлось

ученого толкования, прояснявшего ее смысл. Полагаю, она имела в виду, что изменившийся характер Моны обладает мрачной прелестью, которую мы должны научиться принимать. И еще, что это свойство будет только расти. Мне становилось не по себе при мысли о том, сколько дней я позволял матери и дочери вместе сидеть на диване перед телевизором. Эта кошмарная женщина видела, как ее собственный ребенок медленно умирает, и все равно продолжала убивать дочь. Петрос больше не встречается с бабушкой и дедушкой. Он спрашивал: почему? Я лгал ему и обещал себе, что однажды все объясню.

Когда весть о том, что Мона нас оставила, разнеслась во все углы, семьи нашей церкви взяли нас под свою опеку. Они готовили нам еду. Составили расписание, по которому сидели с Петросом, чтобы я мог вернуться к работе. В конце концов сестра Хелена многие обязанности взяла на себя, но даже сейчас ни один священник в нашей церкви не получает на Рождество более щедрых подарков, чем я, и даже самым прожженным пиратам стало бы неловко при виде трофеев, которые доставались Петросу на именины. Я всегда чувствовал подспудную жалость и безысходность в этой доброте, как будто греческий юноша, женясь на римской девушке, идет на определенный риск и моя нынешняя жизнь стала естественным следствием моего опрометчивого шага. Но это не мешало прихожанам помогать нам без задней мысли. Все христиане верят, что главное дело человеческой жизни – отдавать долг за старые грехи. Эти добрые люди поддерживали меня до того дня, пока я не смог взвалить весь свой долг на себя.

Однажды мне в голову пришла фантазия, которую, казалось, я всегда буду с собой нести. Я представил, что произойдет, если вернется жена. Я бы предложил ей снова работать в больнице. Сам целый день сидел бы с Петросом, пока она не оказалась бы готова познакомиться с ним поближе. Тогда она бы обнаружила, что наш сын – не злое предзнаменование, не воплощение ее неудач. Это развитый мальчик, сознательный и добросердечный. Учителя его хвалят. Его часто приглашают на дни рождения. У него мой нос и глаза Симона, но густые темные волосы Моны, ее круглое лицо, ее радостная улыбка. Однажды он будет благодарен за то, что лицом больше пошел в мать, чем в отца. В моих мечтах Мона обнаруживала, при помощи сына, что на самом деле окончательно не уходила. Мы бы заново выстроили то, что у нас когда-то было, поскольку основание, заложенное совместно, никуда не исчезло.

Но я уверенно избавился от этой фантазии, словно сбросил старую кожу. И к своему удивлению, обнаружил, что могу существовать и без мечты. Лишь одна ее часть упрямо не желала исчезать. Я хотел, чтобы Петрос понял: мамина любовь – не мое измышление. Я хотел, чтобы он знал: у него есть корни, которые идут не только от меня. От Моны ему передалось глубокое понимание трудных истин, любовь к шуткам и загадкам, трогательная любовь к животным. Мать понравилась бы ему. Я лишь хотел, чтобы они друг у друга были.

Что бы ни случилось с Моной, мне думалось, она сожалеет о том, какой была наша совместная жизнь, а может, о решении прекратить ее. Меня бы сожаление такой силы сломило, но я ничего подобного не испытывал. Каждый раз, когда я оглядывался назад, Петрос показывал мне путь вперед. Я находился лишь на середине путешествия, которое начал с женой. И каждую ночь благодарил Бога за сына.

Когда я проснулся, рядом со мной было пусто. Петрос исчез. Я на ощупь выбрался в прихожую и увидел на кухне Лео и Софию, при моем появлении они подняли головы от тарелок. Лео махнул в сторону балкона, где сгорбилась похожая на кузнечика маленькая фигурка. Петрос сидел на корточках, наклонившись, и что-то раскрашивал цветным карандашом.

– Открытку Симону рисует, – пояснил Лео.

Я улыбнулся.

– Отведу его на крышу.

– Отца Симона там нет, – шепотом сказала София.

Выражение лица Лео сказало все остальное. Они не знали, куда ушел Симон.

Я набрал номер брата, и он ответил после четвертого гудка.

– Ты где? – спросил я.

– В квартире.

– С тобой все в порядке?

– Не мог заснуть. Вернусь – поведу вас с Петросом завтракать.

Лео и София наблюдали за мной. София, должно быть, занималась Петросом с тех пор, как он проснулся. Бедная женщина даже не успела снять халат.

– Нет, – сказал я Симону. – Не ходи никуда. Мы сами к тебе придем.

При свете дня показалось странным, что в квартире почти ничего не изменилось. Следы разорения не исчезли вместе с тьмой. Петрос маленькой ручонкой крепко сжимал мою ладонь, перешагивая игрушки, словно ядовитые грибы. Впрочем, из кухни исчезли все разбитые тарелки и рассыпанная еда, а окна стояли открытыми. За столом сидел Симон и делал вид, что не курит.

Петрос бросился от меня к Симону и вручил сделанную собственными руками открытку. На ней изображались четыре человечка из палочек, держащиеся за руки: Мона, я, Петрос и Симон. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что на Моне – сутана. У меня упало сердце. Это была не Мона, а сестра Хелена.

Симон посадил Петроса на колени и крепко обнял. Похвалив открытку, он прижался губами к буйным зарослям волос.

– Я люблю тебя, – прошептал Симон. – Мы с твоим папочкой сделаем так, чтобы с тобой ничего не случилось.

Раковина была пуста, а все тарелки – вымыты. Губку словно выжимали досуха промышленным насосом. Удивительно, что Симон сумел остановиться и не убрал всю квартиру.

– Когда сестра Хелена приходит за грязным бельем? – спросил он.

Я слишком погрузился в свои мысли и не ответил. На фоне чистой кухни остатки хаоса выглядели еще более впечатляющими.

– Я Земля, я Земля, вызываю Алекса! – позвал Симон.

– Петрос, – сказал я, – прежде чем мы пойдем завтракать, сходи, пожалуйста, помой руки.

Сын осторожно двинулся по коридору.

– Что-то не так? – спросил Симон.

Разумеется, он тоже заметил. Я показал на места, где остался самый большой беспорядок: тумбочка у двери; книжные полки; столик, где стоял телефон.

Симон пожал плечами.

– Он что-то искал, – сказал я. – Открыл все дверцы. За исключением этих.

Восточные христиане устраивают в доме особый уголок, где лежит Евангелие, а вокруг выставлены иконы. В нашей квартире «красный угол» скромный – всего лишь старинный шкафчик, перед которым молились я и Петрос. Но при ограблении шкафчик не тронули.

– Он наверняка знал, что это такое, – сказал я.

В святом углу хранятся только освященные предметы. Грабитель понимал, что туда ему нет смысла соваться. Вряд ли кто из итальянских светских людей столько знает о наших ритуалах. Теперь вчерашние мысли о душевнобольном грабителе, вдохновляемом религиозным безумием, не казались правдоподобными.

Пока сын умывался, я быстро прошел по следам незнакомца. Сестра Хелена слышала, как он звал Симона из коридора рядом с комнатой Петроса. Коридор в одну сторону уходил к ванной, а в другую – к моей спальне. Ванная осталась нетронутой, как и комната Петроса. В затылке закололо, словно от легкого удара током. Похоже, грабитель стремился в комнату хозяина квартиры.

В моей спальне тоже был порядок. Если в ящиках тумбочки и рылись, Симон убрал все следы вчера вечером, одевшись после душа. Но когда я присмотрелся повнимательнее, то увидел, что одну полку трогали: ту, где я держал путеводители по странам, в которые получал назначение Симон. Том, посвященный Турции, валялся на полу. На нижней полке появилось пустое место. Что-то исчезло.

– Алли, – позвал из прихожей Симон. – Подойди-ка сюда на секундочку.

Книги по плащанице! Они пропали, вместе с моими рукописными записями результатов исследований, которые я проводил для Уго.

Сердце лихорадочно застучало. Мои первые интуитивные догадки оказались правильными. Ограбление и убийство Уго наверняка связаны. Все это имело отношение к выставке Уго.

– Алекс! – повторил Симон, уже громче.

Когда я в оцепенении вернулся в прихожую, он показал на пол. Взгляд у него стал еще более настороженным.

– Все утро на него гляжу, – тихо сказал он. – Но только сейчас щелкнуло.

– Симон, – выговорил я, – тот, кто здесь был, знает, что мы помогали Уго организовывать выставку.

Но Симон слишком увлекся находкой, чтобы осознать мои слова.

– Ничего не пропало? – спросил он, стиснув зубы.

Я встал на колени рядом с ним, среди перевернутых игрушек и телефонных книг.

Симон показывал на мой ежедневник, тот раскрылся на вчерашней странице. Понял я это, лишь перелистнув страницу.

Сегодняшний и завтрашний листки кто-то вырвал.

Я застыл. Во мне, словно кипящая смола, забурлила мысль, которую пытался донести Симон.

– Что было на тех страницах? – спросил он.

Всё. Срез нашей жизни. На следующей неделе начинался осенний семестр, и я записал расписание занятий, которые веду. И все наши планы с Симоном тоже были там.

Я проговорил то, что брат уже понял без меня:

– Он продолжает нас искать!

Брат набирал номер на своем телефоне.

– Забронирую для вас с Петросом комнату в «Казе»^[8].

«Каза». Наш ватиканский отель. Очень тихий, совершенно неприметный. Становилось ясно: отныне нам с Петросом небезопасно оставаться в собственном доме.

Симон разговаривал с портье, когда послышался резкий стук в дверь. Тотчас Петрос в ужасе выбежал из ванной и обхватил сзади мои ноги. С трудом шагнув к двери, я повернул ручку.

На пороге стоял вчерашний жандарм.

– Офицер, поймали кого-нибудь? – с нетерпением спросил я.

– К сожалению, нет, святой отец. Мне нужно еще кое-что записать.

Я пригласил его внутрь, но он предпочел остаться у входа и, наклонившись, принялся изучать дверной косяк.

Петрос прижался к моим ногам. Ему хотелось, чтобы полицейский ушел. Или – уйти самому.

Коп поднял глаза.

– Святой отец, ваша монахиня сказала, что, когда этот человек проник сюда, дверь была заперта.

– Все правильно. Я всегда запираю дверь, когда ухожу из квартиры.

– Даже прошлым вечером?

– Два раза проверил, прежде чем ехать в Капель-Гандольфо.

Он внимательно разглядывал косяк. Провел пальцем вверх и вниз по дереву. Потрогал ручку. Мне потребовалось еще несколько секунд, чтобы понять. Ни на двери, ни на косяке повреждений не было!

– Мне нужно сделать несколько фотографий, – сказал он. – Позвоню вам позже, надо будет кое-что обсудить.

Петрос отказался оставаться в квартире с полицейским, поэтому час до встречи с дядей Лучо мы провели на улице. Держась хорошо знакомых дорожек, мы сходили в папские сады, к фонтанам, которые мы с Симоном с детства называли по-своему. Фонтан дохлой лягушки. Фонтан непонятно откуда взявшегося угря. Фонтан имени той ночи, когда Катерина Фиори перебрала и пошла танцевать. Наконец мы очутились на маленькой детской площадке рядом с ватиканским теннисным кортом, и там Петрос попросил дядю встать за качелями и раскачать их повыше. Взлетая ввысь, он крикнул:

– Симон! Ты знаешь, почему листья меняют цвет? Это хлорофилл!

В последнее время – его излюбленная тема.

Симон вглядывался в даль. Когда он понял, что молчит в ответ на заданный ему вопрос, спросил:

– Почему же не все деревья меняют цвет?

Он никогда не был сильным студентом, но после четырех лет в колледже, и четырех лет в семинарии, и еще трех лет в академии он превратился в живую рекламу неизменной в нашей церкви одержимости учебой. Иоанн Павел имел докторскую степень по теологии и по философии. В Петросе мы так же поощряли стремление изучать все и вся.

– Потому, что хлорофилл просто остается у них в листьях! – выкрикнул Петрос.

Мы с Симоном переглянулись и решили, что это сойдет за правильный ответ.

– А знаешь, о чем я сейчас читаю? – спросил Симон.

– Про тигров? – выкрикнул Петрос.

– Помнишь доктора Ногару?

Я послал Симону наэлектризованный взгляд, но брат не обратил на меня внимания.

– Он мне птичек кормить разрешал, – ответил Петрос.

На едва заметное мгновение Симон улыбнулся.

– Давным-давно неподалеку от города, где встретились я и доктор Ногара, жил святой по имени Симеон Столпник. Он сидел на вершине столба почти сорок лет, не спускаясь. Даже умер наверху.

Показалось, что голос брата шел откуда-то издалека, словно его завораживала идея побега от мира – возможность уйти в затворничество внутри себя, будучи монахом, вместо того чтобы принять мир, будучи священником.

– А как же он ходил писать? – тут же поинтересовался Петрос.

Вечный, неизменный вопрос.

Симон рассмеялся.

– Петрос, – сказал я, стараясь напустить на себя серьезный вид, – не повтори этого в школе.

Он качнулся еще выше, усмехаясь. Едва ли не самым большим удовольствием для него было развеселить дядю.

Мало-помалу час пробежал. Никого из знакомых мы не встретили, новостей не услышали. Мы смотрели вниз с ватиканских стен и ясно понимали, что этим утром никто в Риме не обращает внимания на события нашей жизни.

Когда мы уже подошли к ступеням у входа во дворец Лучо, позвонила сестра Хелена и сказала, что сегодня вечером с Петросом посидеть не сможет. И, чуть не плача, поспешила закончить разговор. Отключившись, я подумал, что она что-то недоговаривала. А может, не отдавала себе отчета в собственном промахе, пока вчера вечером не пришла домой. Иногда она брала Петроса с собой в гости, когда навещала соседей по дому, и иногда при этом оставляла дверь незапертой.

Дворец губернатора Ватикана – молодое, по местным меркам, здание. Младше Иоанна Павла. Его построили в тысяча девятьсот двадцать девятом году, когда Италия согласилась учредить независимое государство Ватикан. Первоначально дворец предназначался для семинарии, но папа, нуждаясь в национальном правительстве, превратил его в административное здание. Сегодня здесь повсюду сновали ватиканские чиновники, готовили выпуск марок с картинами Микеланджело. Мы звали это здание Губернаторским дворцом, в память о днях, когда нашим городом управлял мирянин, но губернаторов больше не существовало. Новый глава исполнительной власти носил белый католический воротничок-колоратку. Лучо проживал в частных апартаментах на верхнем этаже со священником-секретарем доном Диего, который и открыл нам дверь.

– Входите, святые отцы, – сказал он. – И ты, сын мой.

Он наклонился поздороваться с Петросом, – главным образом, чтобы не встречаться глазами с Симоном. Они были ровесниками – два священника, быстро продвигавшихся по карьерной лестнице, и Диего считал, что Симон – его конкурент. За спиной у Диего в воздухе

разливалась суровая классическая музыка. Лучо был талантливым пианистом, пока не подступил артрит. Дядя хранил у себя вставленную в рамку газетную статью, описывающую, как в молодости он на концерте исполнял Моцарта. Теперь пианино простаивало без дела, а фоном играла музыка мрачных русских и мрачных скандинавов. Исполнявшееся сейчас произведение Грига звучало как лейтмотив кальвинизма.

Диего провел нас в кабинет. Окна его выходили не на собор Святого Петра, а на север, отчего в комнате было промозгло. Предшественником Лучо был простой и откровенный американский архиепископ, у которого на полу лежала медвежья шкура, а по телевизору крутились вестерны. В таком кабинете Петросу бы понравилось. Но вкус моего дяди склонялся к восточным коврам и стульям на львиных лапах, поскольку их можно было бесплатно взять с ватиканского склада, где каждый раз, когда умирал очередной прелат, скапливалась гора барочной мебели.

– Простите меня, – сказал Лучо, воздевая руки, – что не могу встать и встретить вас.

Это было его традиционное приветствие с тех пор, как в прошлом году у него случился небольшой инсульт. После него Лучо перестал носить красную кардинальскую шапочку и отделанную красным кардинальскую мантию, потому что иногда терял равновесие, а его пальцы не справлялись с пуговицами и с поясом. Вместо этого он облачался в свободно сидящий костюм, и каждое утро монахиня надевала ему на шею нагрудный крест. Мы с Симоном пожали его протянутую руку, и брату, как всегда, досталось чуть более долгое рукопожатие, чем мне. Но самое долгое, однако, дядя приберег для Петроса.

– Подойди сюда, мой мальчик! – сказал Лучо, с нетерпением стуча по столу.

Удар парализовал у Лучо часть лица, но он усердно занимался реабилитацией, чтобы не пугать Петроса. Пока они обнимались, я бросил взгляд на лежащие на столе бумаги, надеясь увидеть полицейские рапорты об Уго или о проникновении в нашу квартиру. Но обнаружил только отчеты по бюджету, которые требовались Лучо как воздух. Он был мэром маленького городка, которому всегда необходимо обновлять оборудование и строить новые парковки; министром культуры при величайшей в мире коллекции искусства Античности и Возрождения; работодателем для более чем тысячи работников, пользующихся бесплатным здравоохранением, магазинами беспощинной торговли и дотациями на питание, не платя ни гроша подоходного налога; и посредником в хрупких отношениях со светским Римом, которому наша окруженная Вечным городом страна обязана энергоснабжением, поставками нефти и вывозом мусора. Каждый раз, размышляя о том, что Лучо недостаточно внимания уделяет мне и Симону, я напоминал себе, что дяде надо успевать выполнять обещание, данное им Иоанну Павлу.

– Хочешь пить? – спросил Лучо у Петроса, с усилием заставив двигаться обе стороны рта. – У нас есть апельсиновый сок.

Петрос просветлел. Он спрыгнул с колен моего дяди и бросился следом за Диего на кухню.

– Полагаю, – прибавил дядя, понизив голос, – прошлой ночью больше не случилось никаких происшествий?

Вопрос прозвучал скорее как формула вежливости. В этой стране ничего не происходит без ведома кардинала – председателя Ватикана.

– Нет, – ответил я. – Больше ничего.

Но тут вмешался Симон.

– У жандармов ничего нет, – с нажимом поправил он. – А Петрос и Алекс тем временем

даже переночевать не могут под крышей собственного дома.

Его тон меня удивил.

Лучо посмотрел на него долгим укоризненным взглядом.

– Александр и Петрос могут оставаться под этой крышей. И ты ошибаешься: двадцать пять минут назад мне позвонили жандармы и сообщили, что подозреваемого, возможно, зарегистрировала одна из камер видеонаблюдения.

– Дядя, это прекрасная новость! – обрадовался я.

– Сколько еще пройдет времени, прежде чем у них появится что-то конкретное? – проворчал Симон.

– Не сомневаюсь, они работают настолько возможно быстро, – ответил Лучо. – А пока, что обо всем этом можете рассказать вы?

Я глянул на Симона.

– Сегодня утром мы нашли в квартире кое-какие свидетельства, которые позволяют заключить, что эти два... происшествия... связаны между собой.

Лучо поправил лежащую на столе ручку.

– Ту же самую возможность изучают и жандармы. Это, безусловно, тревожный факт. Вы рассказали им о том, что обнаружили?

– Еще нет.

– Я попрошу их еще раз с вами связаться.

Лучо повернулся к Симону.

– Есть ли что-нибудь еще, о чем мне следует знать?

Брат покачал головой.

– Например, для начала, что ты делал в Кастель-Гандольфо? – нахмурился Лучо.

– Мне позвонил Уго и попросил о помощи.

– Как ты туда добрался?

– Попросил шофера из гаража.

Лучо поцокал языком. Гараж подчинялся ему, и простым священникам не разрешалось просить машину, а репутация племянников начальника должна оставаться безупречной.

– Дядя, – сказал я, – ты слышал, чтобы кто-нибудь пробрался через ворота Кастель-Гандольфо? Или сюда?

– Конечно нет.

– Как можно узнать номер нашей квартиры?

– Я собирался задать вам тот же самый вопрос.

Через открытую дверь я видел, что Диего подал Петросу апельсиновый сок в хрустальном бокале. Петрос съежился, вспоминая, как в прошлом году он один такой уже разбил. Монахини полчаса ползали на коленях, собирая осколки. Я осуждающе посмотрел на Диего – мог бы и запомнить.

– Ладно, – сказал Лучо, – есть еще один вопрос, который я хотел обсудить. К сожалению, в содержание выставки Ногары необходимо внести изменения.

– Что?! – вскричал Симон.

– Симон, мой куратор уехал. Я не могу монтировать выставку без него. В некоторых залах вообще непонятно, что вешать.

Брат вскочил и чуть ли не в истерике воскликнул:

– Ты не можешь этого сделать! Он же свою жизнь за это отдал!

Я урезонил Симона, тихо сказав, что после событий прошлой ночи изменить или

отложить выставку – возможно, не самая плохая идея.

Лучо постучал костлявым пальцем по бюджетному листу.

– У меня роздано четыреста приглашений на открытие. О том, чтобы отложить, не может быть и речи. И на данный момент, поскольку Ногара не закончил оформление нескольких залов, речь идет не столько об изменении экспозиции, сколько о расположении экспонатов. Поэтому я бы хотел обсудить с вами – особенно с тобой, Александр, – возможность сделать логическим центром выставки не плащаницу, а рукопись.

Мы с Симоном вытаращили глаза.

– Ты хочешь сказать, Диатессарон? – спросил я.

– Нет, – отрезал Симон. – Ни в коем случае.

Лучо проигнорировал его. Впервые в жизни в расчет принималось только мое мнение.

– Как это возможно? – спросил я.

– Реставраторы закончили работать с книгой, – сказал Лучо. – Люди хотят ее видеть. Мы помещаем книгу в витрину и показываем им. Подробности решишь сам.

– Дядя, десять залов одним манускриптом не заполнить.

Лучо фыркнул.

– Если снять переплет – заполним. Каждую страницу можно выставить отдельно. Мы ведь уже сделали несколько больших фоторепродукций на стены. Столько страниц в книге? Пятьдесят? Сто?

– Дядя, возможно, это старейший цельный переплет Евангелия из всех до сих пор обнаруженных.

Лучо махнул рукой, будто отгоняя муху.

– Мастера из лаборатории отдела рукописей знают, как справиться с такой задачей. Они сделают все, что нам нужно.

Не успел я возразить, как Симон хлопнул рукой по столу Лучо.

– Нет, – твердо сказал он.

Все вокруг застыло. Я взглядом велел Симону сесть. Лучо поднял густую изогнутую бровь.

– Дядя, – сказал Симон, пробегая рукой по волосам, – прости меня. Я... у меня горе. Но если тебе нужна помощь, чтобы закончить организацию выставки, я расскажу то, что тебе нужно знать. Уго мне все объяснил.

– Все?

– Дядя, для меня это очень важно!

Было время, когда непредсказуемые вспышки гнева портили репутацию Симона в глазах дяди. «Это греческая черта, – повторял Лучо, – а не римская». Но теперь он говорил, что она делает Симона непохожим на остальных, и характер поможет ему достичь таких высот, до которых не добирался да же сам дядя.

– Понятно, – сказал Лучо. – Рад слышать. Тогда тебе придется руководить остальными кураторами, поскольку нам в ближайшие пять дней нужно многое сделать.

– Дядя, – вклинился я, – ты понимаешь, что Симон и я сейчас столкнулись с некоторыми личными проблемами?

Он передвинул на столе бумаги.

– Понимаю. И я приказал командеру Фальконе направить офицера на охрану тебя и Петроса, в качестве меры предосторожности.

Он повернулся к Симону.

– Что касается тебя: будешь ночевать здесь, под этой крышей, пока работа по выставке не закончится. Договорились?

Симон охотнее бы согласился ночевать на перекрестке у вокзала Термини. Но такова была цена этой необычной просьбы. Зато Симон продемонстрировал Лучо, у кого на руках козыри.

Брат кивнул, и Лучо дважды стукнул по столу костяшками пальцев. Мы закончили. Дон Диего вернулся, чтобы проводить нас к лифту.

– Послать кого-нибудь за вашими сумками? – язвительно спросил у Симона Диего.

Ближайшие пять ночей им предстояло делить друг с другом апартаменты. Страж и заключенный. Но в глубине глаз Симона промелькнула успокоенность. Облегчение. Он не собирался глотать наживку. Металлическая дверь отъехала в сторону, и Петрос вбежал внутрь – ему не терпелось нажать на кнопку лифта. Не успел Диего подыскать еще один способ уколоть Си мона, как мы уже спускались.

Вскоре после обеда в квартире Уго я помог ему проникнуть в Ватиканскую библиотеку и взглянуть на Диатессарон.

– Приходите ко мне в четыре тридцать, – сказал он. – И прихватите пару перчаток.

В условленное время я ждал у дверей его квартиры. Уго объявился через четверть часа. В руках он держал два пластиковых пакета из «Анноны», супермаркета в Ватикане. В одном пакете безошибочно угадывались очертания бутылки с алкоголем.

– Нервы успокоить, – пояснил он, подмигнув.

Но лоб у него был влажным, а глаза – тревожными.

Едва мы вошли, он принялся рюмка за рюмкой поглощать граппу «Юлия».

– Скажите мне вот что, – начал он. – Вы знаете, куда идти там внизу?

«Там внизу» – это в библиотеке под его квартирой.

– Откуда? – раздраженно ответил я.

У меня сложилось впечатление, что он все это уже проделывал и я просто пойду за ним следом. Да ведь только для прохода через главную дверь нашей библиотеки требуется подать заявление с рекомендациями официальных ученых! Чтобы увидеть книгу, необходимо заполнить бумаги. Чтобы ее вынес ли в зал, нужен сотрудник библиотеки, поскольку ни одному читателю не разрешается входить в книгохранилище.

– Если мы уже знаем, где хранится манускрипт, почему нельзя просто снять его с полки и почитать? – спросил я.

Во втором пакете из супермаркета обнаружилась целая коллекция разнообразной экипировки. Два карманных фонарика, походный фонарь, упаковка медицинских перчаток, буханка хлеба, пакетик кедровых орехов, тапочки, блокнот и какой-то диск размером с детскую теннисную ракетку. Все это он принялся укладывать в спортивную сумку.

– Конечно же, мы можем снять ее с полки, – сказал он. – Это-то не проблема.

Он глянул на часы.

– А теперь поживее, отец Алекс. Нам надо поторопиться.

– С этим мы мимо охраны не пройдем, – указал я на сумку.

– Пусть это вас не тревожит, – усмехнулся он. – На втором этаже проходит труба парового отопления. Ею уже много лет не пользуются.

Я непонимающе уставился на него.

Уго хохотнул и стиснул мне руку.

– Шучу, шучу! Перестаньте переживать и пойдём.

У него был друг «на той стороне». Старый французский священник, чей кабинет ютился в заброшенном углу здания. Библиотека закрывалась через десять минут, но Уго жил так близко, что до друга мы добрались за две.

Перед кабинетом Уго остановил меня и сказал:

– Пойдите тут.

Он вошел один, но дверь за собой закрыл неплотно.

– Уголино, – услышал я тревожный голос с французским акцентом, – они про тебя узнали!

– Сомнительно, – ответил Уго.

– Сегодня охрана ходила по кабинетам и предупреждала нас, чтобы мы сообщали обо всех посторонних.

Уго не ответил.

– Священник, который приходил с ними, знал твое имя, – продолжал голос.

Уго кашлянул.

– Новую систему еще тестируют?

– Да.

– Значит, дверь по-прежнему открыта?

– Открыта. Но одному тебе вниз уже ходить не стоит.

– Согласен. – Уго подошел к двери и впустил меня. – Знакомьтесь, отец Александр Андреу. Сегодня он пойдет вместе со мной.

Француз оказался пожилым благообразным священником. Торчащая, как ершик, борода почти скрыла удивленно разинутый при моем появлении рот.

– Но, Уголино... – начал он.

Уго забрал с вешалки шляпу и зонт своего друга.

– Ты зря сотрясаешь воздух. А они заметят, если ты не уйдешь в обычное время. Завтра поговорим.

Священник опустил жалюзи на застекленной двери кабинета.

– Это неразумно. В этих залах каждый звук разносится дале ко. А раз с тобой... он, вы наверняка будете разговаривать. И привлекать внимание.

Но Уго лишь подтолкнул священника к выходу. Часы над дверью показывали двенадцать минут шестого. Ученые в читальных залах уже убрали блокноты и ноутбуки. Сейчас они пойдут к столу библиотекаря за ключами от ящичков камеры хранения и через несколько минут покинут библиотеку. После этого станет сложно объяснить, почему мы с Уго здесь околачиваемся.

– О чем он вас предостерегал? – спросил я, когда Уго закрыл дверь.

Он выглянул через планки жалюзи.

– Так, ничего.

– Тогда почему выглядываете в коридор?

– Сокрушаюсь, что ваш дядя не нанял еще нескольких кураторш, похожих на синьорину де Сантис из соседнего кабинета!

Я прислонился к стене. Уго последовал моему примеру, доставая из сумки буханку хлеба.

– Как вы понимаете, о том, что сегодня увидите, никому рассказывать нельзя. Даже вашим ученикам, – невесело улыбнулся он.

Под дверью угасала полоска света, льющегося из коридора.

– Я это делаю не для моих учеников, – сказал я.

– Отец Симон рассказывал, что отец учил вас обоих читать Новый Завет на греческом.

Я кивнул.

– И вы оказались прилежным учеником, а он отставал.

– В семинарии Евангелия были моей любимой темой.

Любого преподавателя Евангелия – даже того, кто учит министрантов в предсеминарии, как я, – переполняет восторг от осознания того, что наше понимание Библии несовершенно. Что более старые, лучше сохранившиеся, более полные списки Евангелий еще ждут своего открытия. Сегодня мне выпадала возможность подержать в руках один такой список, пока

его не заперли под замок вместе с остальными.

Уго протер очки носовым платком и пристально посмотрел на меня удивительно светлыми глазами.

– А вы сказали отцу Симону, что мы делаем сегодня вечером?

– Нет. Я уже пару дней никак не могу с ним связаться.

– И я не могу, – вздохнул он. – Ваш брат порой исчезает. Приятно слышать, что это не связано со мной лично.

Он глянул на часы и встал.

– Прежде чем мы пойдем, вам нужно кое-что узнать. Нам нельзя оставлять следов, потому что меня, похоже, кто-то преследует.

– Кто? – спросил я, припомнив его разговор с французским священником.

– Не знаю. Но надеюсь, после сегодняшнего вечера новых возможностей ему не представится.

Уго снял ботинки и переоделся в тапочки из спортивной сумки.

– Просто следуйте за мной. Идем вниз.

В залах было темно, но Уго знал дорогу. Что удивительно – для человека его габаритов он двигался беззвучно, даже когда мы вошли в первый гигантский коридор книгохранилища.

Я ожидал увидеть старые деревянные шкафы, высоко вздымающиеся к украшенным фресками аркам. Вместо этого мы оказались в низких технических туннелях, длинных, как океанские лайнеры, и опутанных венами электропроводки. Мои ботинки стучали по холодным металлическим настилам, и эхо разносилось по коридорам. Мне пришлось пригибаться, чтобы не биться головой о лампочки в проволочной сетке. Уго двигался проворно, словно выпивка лишь помогла ему размяться.

Теперь стальные стеллажи шли со всех сторон – слева и справа, сверху и внизу – ярус за ярусом, соединенные между собой площадками, к которым поднимались узкие лестницы. Уго полагался на свет прихваченного им фонарика – лампочки на потолке включались по таймеру. Мы шли и шли. Наконец коридор вывел нас к лифту.

– Куда он идет? – спросил я.

Мой голос, как и предупреждал французский священник, отскакивал от мраморных полов, прорезая мягкую тишину.

– На самый низ, – прошептал Уго.

Двери закрылись за нами, и в кабине сразу стало темно. Луч фонарика Уго устремился к пульта. Не успел я прочитать надписи, как Уго уже отправил нас в путь. Лифт начал неспешный спуск.

Когда двери вновь открылись, мы увидели кремового цвета стены и флуоресцентный свет. Здесь не было полок, только иногда попадались на глаза распятие или икона, висящие на стенах вперемешку с пожарными датчиками и коробами аварийного освещения. Повсюду витал незнакомый, химический запах нового.

– Мы под землей? – шепотом спросил я.

Уго кивнул и повел меня вперед, бормоча:

– Сейчас посмотрим, прав ли он.

Завернув за угол, мы подошли к огромной двери, целиком отлитой из стали. Рядом на стене был вмонтирован пульт.

Но вместо того чтобы ввести пароль, Уго сунул пальцы за край двери и потянул,

отклонившись назад.

Стальная плита тихо отворилась. За ней лежала тьма.

– Превосходно! – вполголоса проговорил Уго.

Потом обернулся и сказал мне:

– Не трогайте ничего, пока я не объясню, почему эту дверь оставили незапертой.

Он сунул руку внутрь и повернул таймер, управляющий включением лампочек. Когда они зажглись, у меня подкосились ноги.

Двадцать лет назад Иоанн Павел начал новый проект. У Ватиканской библиотеки кончились площади хранения, и поэтому в небольшом дворике к северу от книгохранилища, где в войну сотрудники выращивали овощи и где дядя Лучо теперь держал кафе, чтобы выжать денег из проходящих в библиотеку ученых, Иоанн Павел вырыл яму. В нее залил фундамент бомбоустойчивого бетонного убежища, предназначенного для самых ценных коллекций. И сегодня ученые, попивая кофе в кафе Лучо, стоят на тонком слое дерна, который скрывает защищенную стальной плитой крипту с сокровищами Иоанна Павла.

Ребенком я воображал себе это место. В моих фантазиях оно представлялось просторным, как банковское хранилище. Помещение, которое открылось сейчас передо мной, оказалось размером с небольшой аэродром. Основной проход был в половину длины футбольного поля, а в боковых легко бы разместились туристические автобусы.

– Вы видите перед собой величайшую в мире коллекцию манускриптов, – прошептал Уго.

На земле существует два вида книг. Со времен Гуттенберга печатные книги размножались миллионами, их конвейером производили машины, вытесняя более древнюю разновидность книг – рукописи. Неграмотный бизнесмен эпохи Возрождения с печатным прессом мог отштамповать десять книг быстрее, чем бригада образованных монахов выпишет от руки одну-единственную страницу рукописи. Если учесть, как мало было изготовлено манускриптов и какому обращению они подвергались в течение веков, чудо, что хоть какие-то из них уцелели. Но с тех пор как изобрели книги, им сопутствовал могущественный друг: христианская церковь, которая их делала, и папа в Риме, который их собирал. Из всех великих библиотек в истории человечества до наших дней уцелела лишь одна. И по милости Божией в ее сердце я сейчас вступал.

– Возьмите. – Уго протянул мне второй фонарик. – По таймеру свет будет гореть всего двадцать минут. Теперь давайте покажу, что нас ожидает.

Он выставил у себя на электронных часах обратный отсчет, запустил его, потом достал из сумки таинственный плоский предмет. Теперь я смог разглядеть его получше: монитор, соединенный с металлическим диском, похожим на спираль нагревателя духовки. Уго включил аппарат, и по экрану побежали красные буквы.

– Здесь устанавливают новую систему учета, – пояснил он, – чтобы не приходилось каждый год на месяц закрывать библиотеку на ручную инвентаризацию. Вы знаете, что это?

Прибор походил на помесь телевизионной антенны и сушилки для полотенец.

– Это сканер радиочастотных меток, – сказал Уго. – В переплетах манускриптов установлены ярлычки, а сканер может дистанционно считать зараз пятьдесят ярлычков.

Он провел меня мимо первого стеллажа, демонстрируя, как работает устройство. Строки текста бежали вниз по экрану быстрее, чем я успевал их прочесть. Шифры. Названия. Авторы.

– Даже с этой волшебной палочкой, – сказал он, – мне потребовалось две недели,

прежде чем я понял, что манускрипт должен находиться здесь, внизу. Две недели – и немного удачи.

Уго кивнул на белую пластмассовую коробку, установленную на потолке.

– Там – стационарные сканеры. По какой-то причине они нарушают работу системы безопасности, поэтому стальная дверь должна оставаться открытой, пока дефект не устранят.

Он перевел взгляд на меня.

– Для нас это хорошая новость. А плохая – в том, что из-за этой техники стальная дверь больше нас не защищает. В мой первый визит в подвал я совершил ошибку – перенес книгу через проход на другую полку. Сканеры засекли ее движение. Через пять минут здесь была охрана.

– И что вы сделали?

– Спрятался и молился. К счастью, охрана решила, что просто сломалась система. С того дня я следую двум правилам. Первое: читаю на месте. И второе: надеваю вот это.

Он достал из сумки пару латексных перчаток.

– Чтобы не оставлять отпечатков? – спросил я.

– Не тех, о которых вы подумали, – сверкнул он глазами. – А сейчас следуйте за мной.

По мере того как мы двигались вдоль стеллажей, Уго становился сосредоточеннее. Поставив сумку в конце прохода, он выкопал из нее банку со спиртовыми тампонами, протер руки и лишь после этого надел перчатки.

– Это он? – спросил я, видя, что пульт начал фиксировать массив книг на древнесирийском – языке Эдессы периода Диатессарона. Языке, ближайшем к арамейскому Иисуса.

Но Уго покачал головой и пошел глубже по проходу.

– Вот! – сказал он.

На экране появилась странная запись. Вместо шифра значилось латинское слово «CORRUPTAE».

«Повреждено».

– Эта полка – недоработка реставрационной мастерской, – сказал Уго и обвел рукой стеллаж, в котором полки было больше сотни. – Там, похоже, даже не знают, что он здесь.

– Как вы нашли нужный манускрипт?

Уго не умел читать по-гречески, а люди со знанием древнесирийского встречались и того реже.

– Отец Алекс, я приходил сюда каждую ночь после возвращения из Турции. Спал только днем. То, что вы здесь видите, стало моей жизнью. Я вот настолько, – он сложил пальцы щепоткой, – от доказательства, что плащаница во втором веке находилась в Эдессе. Если бы потребовалось, я бы вручную просмотрел каждый манускрипт в этом дворце.

Он усмехнулся.

– К счастью, все манускрипты на этой полке по-прежнему имеют индексы старой системы учета – написанные на превосходной латыни.

Прищурившись, он взгляделся в полки и провел пальцем по воздуху, в волоске от корешков. Добравшись до нужной книги, Уго склонил голову и оглянулся на ближайший настенный сканер, оценивая его чувствительность к движению. И наконец сказал:

– Наденьте перчатки.

Трепет, охвативший меня после этих слов, был сильнее, чем я ожидал.

– Прежде чем надену, можно дотронуться до него? – попросил я. – Всего на секунду. Я очень осторожно.

Вместо ответа Уго отработанным движением вынул том с полки, открыл позолоченную кожаную обложку – и оттуда выскользнуло что-то покореженное и неприятное на вид. Не больше футляра для коле, со ржавыми царапинами, сеткой покрывшими черную помятую поверхность. Не снимая оригинального переплета, библиотекари надели на книгу обложку папской библиотеки.

– Вам нужно кое-что узнать, – сказал Уго, – прежде чем дотронетесь до него. То, до чего я докопался только после того, как обнаружил книгу. Триста лет назад папа отправил целую армию священников на поиски самых древних манускриптов в мире. Один священник наткнулся на библиотеку в пустынях Нитрийского Египта, в монастыре сирийцев, где в девятом веке нашей эры один аббат собрал коллекцию текстов. Даже во времена аббата эти тексты были очень старыми. Сегодня это самые древние из существующих и известных нам книг. Внутри каждой аббат напечатал предостережение: «Тот, кто увезет книги из монастыря, будет проклят Богом». Священник, которого звали Ассемани, не обратил внимания на предостережение, и на обратном пути в Рим его лодка перевернулась на Ниле. Один монах утонул. Ассемани заплатил людям, чтобы они достали со дна манускрипты, но книги повредила вода, и их пришлось реставрировать, и это одна из причин, по которой книга оказалась на забытой полке. Вторая причина – в том, что двоюродный брат Ассемани, попытавшийся составить каталог манускриптов, умер, не закончив работы. Дело продолжил третий Ассемани, и в его доме рядом с библиотекой случился пожар. Сгорел весь каталог, и никто его так и не закончил. Вот почему не существует списка этих манускриптов, и, судя по всему, никто не знает, что они здесь.

– Уго, – сказал я, – почему вы мне это рассказываете?

– Потому что я хотя и считаю себя выше суеверий и расцениваю находку как удачу, вашу судьбу вы вправе выбирать сами.

– Не смешите меня!

Я преподавал Евангелие по современным методам. Методам научного, рационального прочтения Библии. Поэтому не колебался ни секунды.

Уго переложил древний том так, чтобы он лежал на ладони одной его руки, а вторую продемонстрировал мне. Там, где книга соприкасалась с перчаткой, латекс стал ржаво-коричневым.

– Обложка оставляет почти не стираемые пятна, – сказал он. – Мне потребовалось несколько дней, чтобы соскрести их с кожи. Пожалуйста, наденьте перчатки.

Он дождался, пока я исполнил указание, затем бережно, как врач, что положил Петроса мне в руки, передал текст.

Раньше я никогда не видел, чтобы книги делались подобным образом. Как доисторическое существо, найденное на дне моря, она лишь слабо напоминала своих современных сородичей. Обложка книги была сделана из листа кожи, висевшего, будто клапан сумки, предназначался он для того, чтобы оборачиваться вокруг страниц несколько раз, для сохранности. С него свисал кожаный хвостик, похожий на пояс, который петлей обхватывал книгу и удерживал ее закрытой.

Я развязал ремешок, осторожно, словно разбирая волоски на голове младенца. Внутри страницы были серыми и мягкими. Текучие буквы – выписаны длинными гладкими штрихами, без скругленных концов: сирийский! Рядом с ними прямо на странице красовался

латинский шифр, вписанный давно умершим ватиканским библиотекарем.

«Ранее – Книга VIII из Нитрийской сирийской коллекции».

А дальше, очень отчетливо:

«Евангельская гармония Татиана (Диатессарон)».

По мне пробежала дрожь. У меня в руках лежало творение, созданное одним из столпов раннего христианства. Каноническое жизнеописание Иисуса из Назарета в одной книге. Матфей, Марк, Лука и Иоанн, соединенные вместе в виде обобщенного Евангелия древней сирийской церкви.

Здесь, внизу, не было никаких звуков, кроме назойливого гудения из воздуховода на потолке, продуваемого далекими механическими легкими. Но в ушах у меня громко стучала кровь.

– Крашенный сафьян, основа из папируса, – нервно и еле слышно сказал Уго. – Страницы – из пергамента.

Каким-то неизвестным мне инструментом он перевернул первую страницу.

Я ахнул. Внутри все так размыла вода, что текст не читался. Но на следующей странице пятна уменьшились. А на третьей уже получалось разобрать буквы.

– Вы правы, – прошептал я. – Это двуязычная книга.

На странице было две колонки: левая – на сирийском, правая – на греческом. И на этот раз, когда Уго перевернул лист, над текстом словно рассеялся туман повреждений, скрывавших смысл. Там, заглавными буквами без пробелов, была написана строчка по-гречески, в которой я узнал слова:

ΕΓΕΝΕΤΟΡΗΜΑΘΕΟΥΕΠΙΙΩΑΝΝΗΝΤΟΝΤΟΥΖΑΧΑΡΙΟΥ.

– «Был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии», – сказал я. – Это Лука.

Уго глянул на меня, потом снова на страницу. Его глаза тоже загорелись.

– Но посмотрите на следующую строку! – воскликнул я. – «Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос». Этот стих есть только в Евангелии от Иоанна.

Уго порылся в карманах, но не нашел искомого. Он ринулся обратно к сумке и, отдуваясь, вытащил блокнот.

– Отец Алекс, – сказал Уго, – вот список. Это упоминания плащаницы, которые нам необходимо проверить. Первое – Матфей 27: 59. Параллельные стихи – Марк...

Но не успел я тщательно просмотреть страницы, он нахмурился и застыл. Потом уставился на сканер.

– Что случилось?

Уго склонил голову и прислушался. Где-то вдалеке слышался тихий-тихий звук.

Но Уго покачал головой и сказал:

– Это воздух. Продолжайте.

Я удивлялся, как он может ограничиваться коротким списком стихов – и вообще темой плащаницы, – когда перед нами лежало целое Евангелие. Я бы остался здесь на месяц, на год, пока не выучился бы сирийскому настолько, чтобы прочитать обе колонки, каждое слово.

Но лицо Уго стало сосредоточенным и напряженным. Исчезли все следы добродушной веселости.

– Читайте, святой отец, – сказал он. – Прошу вас.

В списке было восемь стихов. Я знал их наизусть. Каждое Евангелие – от Матфея, Марка, Луки и Иоанна – говорит, что мертвое тело Иисуса после распятия завернули в льняную ткань. Два Евангелия – от Луки и Иоанна – также упоминают, что апостолы вернулись после Воскресения и увидели в пустой гробнице одно лишь полотно. Но Диатессарон, соединяя Евангелия в единую историю, выделил из всех этих упоминаний всего два момента: похороны и вскрытие гробницы.

– Уго, есть проблема, – сказал я, найдя первую цитату. – Здесь слишком много гнили. Не могу понять некоторые слова.

Мутные черные пятна испещрили страницу, отчего слова стали неразборчивы. Я читал о манускриптах, уничтоженных плесенью, но сам такого никогда не видел.

Уго собрался с духом. Потом, стараясь, насколько возможно, сохранять спокойствие, произнес:

– Хорошо, соскребите ее.

Я изумленно уставился на него.

– Не могу. Это повредит страницу!

Уго потянулся к книге.

– Тогда покажите мне слово, я сам это сделаю.

Я отодвинул от него манускрипт.

Уго закипал от гнева.

– Святой отец, вы знаете, насколько важно это слово.

– Какое?

Он прикрыл глаза и взял себя в руки.

– Три Евангелия говорят, что Иисуса похоронили в льняном полотне. Единственное число. Но Иоанн говорит: «обвили пеленами». Множественное.

– Не понимаю.

– Единственное число означает, что у нас похоронный саван, – принялся втолковывать он, недоумевая, что здесь может быть непонятного. – Множественное число означает, что у нас нечто иное. Если Иоанн прав, то все это – крупная ошибка, правильно? Человек, который написал Диатессарон, должен был выбирать. И если он на самом деле видел плащаницу в Эдессе, он бы выбрал «полотно», единственное число.

Этот внезапный напор меня напугал.

– По вашим словам, мы шли сюда доказать, что плащаница была в Эдессе, когда писался Диатессарон.

Он потряс в воздухе листочком со стихами из Библии.

– Восемь упоминаний плащаницы. Восемь! Четыре у Марка, Матфея и Луки. Четыре у Иоанна. – Он указал на манускрипт. – Парню, который написал эту книгу...

– Татиану.

– ...пришлось принимать решение. Он не мог использовать оба слова сразу, и какое он выбрал? Здесь-то и начинается самая битва, святой отец. Так что давайте это слово добудем.

Но как бы я ни шурился, гниль оставалась непроницаема.

– Проверю другую ссылку, – предложил я. – О пустой гробнице.

Но и там слово скрылось за черными пятнами.

Уго достал из нагрудного кармана пластмассовую коробочку.

– Я принес ватные тампоны и растворитель. Сначала попробуем слюной. Может

оказаться, что достаточно и ферментов.

Я положил ему руку на плечо.

– Стойте! Не делайте этого!

– Святой отец, я привел вас сюда не для того...

– Пожалуйста, расскажите кардиналу-библиотекарю о вашей находке. Реставраторы все сделают как надо, а мы рискуем ее повредить.

– Кардиналу-библиотекарю?! – вскипел он. – Вы же сказали, что я могу вам доверять!

Вы дали мне слово!

– Уго, стоит испортить страницы – и у вас ничего не будет. И ни у кого не будет. Никогда.

– Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать лекции. Отец Симон сказал, что у вас есть опыт работы с...

Я поднял манускрипт высоко в воздух.

– Стойте! – крикнул он. – Вы сигнализацию запустите!

Когда книга вернулась на уровень моих глаз, я сказал:

– Посветите фонариком под углом. Может быть, разгляжу нажим пера.

Он недоуменно посмотрел на меня, потом похлопал себя по карманам и извлек из одного маленькую лупу.

– Ну хорошо. Вот, возьмите.

Сто лет назад утерянная книга Архимеда обнаружилась в греческом православном монастыре, где она скрывалась на самом видном месте. Средневековый монах стер трактат, со-скребя чернила с пергамента, и вместо него написал на чистых страницах литургический текст. Но при правильном освещении, под нужным углом, оказалось возможно увидеть старые вмятины, следы первого пера.

– Стоп, – сказал я. – Держите луч так.

– Что вы видите?

Я сморгнул и взгляделся еще раз.

– Что там? – повторил он.

– Уго...

– Говорите же! Прошу вас!

– Это не гниль.

– А что же тогда?

Я прищурился.

– Это мазки, сделанные кистью.

– Что?!

– Эти пятна – краска! Кто-то уже находил книгу. Ее подвергли цензуре.

Пятна обнаруживались везде. Они сглатывали слова, фразы, целые стихи. Текст под ними прочесть было невозможно.

– Говорите, кто-то добрался до книги раньше нас? – пробормотал потрясенный Уго.

– И не сейчас. Краска выглядит очень старой.

Я внимательно просмотрел текст, пытаясь понять, что вижу.

Иосиф пошел и снял тело Иисуса.

и обвили его чистой льняной

гробница новая, высеченная в скале, в которой еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы, потому что, и поэтому и, привалив большой камень к двери гроба, удалились.

– Кто это сделал? – спросил Уго.

Я закрыл глаза. Эти евангельские стихи я знал наизусть. Если соединить воедино свидетельства всех четырех Евангелий, то получится:

Иосиф пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, приходивший прежде к Иисусу ночью, и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак, они взяли Тело Иисуса и обвили его чистой льняной плащаницей/пеленами. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гробница новая, высеченная в скале, в которой еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко, и, привалив большой камень к двери гроба, удалились.

Вымаранные части касались погребальных благовоний, плащаницы, человека по имени Никодим и – что самое странное – слова «иудейский». Оставалось неизвестным, в единственном или во множественном числе стояло слово, обозначающее ткань для погребения: три из четырех Евангелий используют греческое слово «синдон», означающее «пелена» или «плащаница»; оставшееся использует слово «отония», что значит «полотна», множественное число.

Я смог придумать лишь одно объяснение, которое связало бы вымаранные слова.

Чтобы удостовериться, я проверил оставшуюся часть колонки.

– Уго, – прошептал я, – у вас есть предположения, сколько лет может быть этому манускрипту?

– Четвертый или пятый век, по моим оценкам, – сказал он.

Я покачал головой.

– Думаю, старше.

По его лицу пробежала нервная улыбка.

– Насколько?

Я попытался унять дрожь в руках.

– Никодим упоминается только в Евангелии от Иоанна. И погребальные благовония – тоже. И слово «иудейский» вот тут, в последнем предложении. Все, что вырезал цензор, – из

Евангелия от Иоанна.

– О чем это нам говорит?

– Была такая секта христиан, называвшихся алогами. Они отвергали Евангелие от Иоанна. Думаю, это они подвергли цензуре манускрипт.

– Это хорошо или плохо?

– Алоги жили в конце сотых лет нашей эры. Сотых! Этот манускрипт – возможно, самое древнее полное Евангелие в мире.

Уго выглядел подавленным.

– Значит, слово, которое они вымарали, должно быть «пеленами». Иоанн использует именно это слово. – И вдруг до него дошло, что я сказал. – Прошу прощения, повторите?

– Я сказал, возможно, это самое древнее...

Только когда он меня перебил, я осознал всю глубину его одержимости.

– Нет. Раньше. Вы сказали, эти люди отвергали Евангелие от Иоанна. Почему?

– Потому что алоги знали об отличии Евангелия от Иоанна от остальных Евангелий. Оно более теологично. Менее исторично.

– Что значит «менее исторично»?

– Уго, это сложно, но...

– Иоанн пишет: «пеленами», а остальные три Евангелия пишут: «плащаницей». Вы говорите, что Иоанну нельзя доверять?

– Уго, нам придется рассказать об этой книге кардиналу-библиотекарю. Она не может тайно оставаться здесь, в подвале.

– Ответьте мне! Если Иоанн не заслуживает доверия, все евангельские свидетельства о плащанице меняют смысл. Правильно?

– Может быть, но не все так просто, – замялся я. – Есть определенные правила. Чтобы научиться читать Евангелия, нужна подготовка.

– Отлично. Тогда научите меня этим правилам.

Я поднял руку, пытаюсь его успокоить.

– Скажите мне, что манускрипт будет в безопасности.

– Святой отец, конечно он будет в безопасности! – вздохнул Уго. – Но книгу нашел я! И нужна она мне! И я не могу просто так взять и отдать ее неврастеникам-библиотекарям, трясущимся над каждым переплетом. Вы знаете, что они попросту...

Он вдруг умолк, склонил голову в сторону стальной двери и в тревоге посмотрел на нее.

– Что там? – прошептал я.

Но Уго словно оцепенел. Двигались только глаза, они посмотрели вниз на часы, потом уставились в дальний конец прохода.

Наконец я различил слабое механическое жужжание. Мотор, гудящий на чуть более низкой ноте, чем гул далекого вентилятора.

Лифт.

– Я задел сигнализацию?! – встревожился я.

Но он только таращился на часы, словно те его обманывали.

– Как будем выбираться? – спросил я. – Второй выход есть?

– Не двигайтесь.

Я всматривался в пустые пространства между полками. Мгновение спустя глаза уловили движение около двери.

Уго шагнул назад.

«Куда вы?» – одними губами спросил я.

Он молча сложил все в сумку и повесил ее на плечо, не спуская глаз с входной двери.

Через секунду под сводами раздался голос:

– Доктор Ногара, выходите!

Рука Уго, державшая сумку, сжалась. Он присел на колени и показал на настенный сканер, напоминая мне, чтобы я не двигался. А сам начал неслышно отползать.

– Я не причиню вам вреда, – сказал голос. – Меня направил сюда Государственный секретариат. Мне нужно знать, что вы здесь делаете.

Звук голоса приближался. Уго поднял вверх три пальца, но я не понял сигнала. Закрыв манускрипт, я приготовился поставить его обратно на полку.

– Мы знаем, что вы работали в Турции, – продолжал голос, уже в нескольких стеллажах от нас. – Знаем, что вам помогал отец Андреу. Я несколько раз проследил за ним до аэропорта Эсенбога. Он числится нашим официальным сотрудником, так что мы имеем право знать о его перемещениях.

У Уго от страха широко раскрылись глаза. Отчаянно жестикулируя, он показывал мне, чтобы я не ставил книгу на полку. Он снова поднял руку, но на сей раз показал всего два пальца.

Уже можно было различить силуэт. Он пересек коридор у входа, махнув тенью от сутаны.

Я шагнул к стальной двери, но Уго замахал мне, останавливая. Глянув на часы, он выставил вверх один палец.

Страх пересилил меня. Я не стал больше ждать, поставил Диатессарон на полку и направился к двери.

Завидев, что я двинулся с места, Уго повернул назад и рванулся к Диатессарону.

– Книга! – стиснув зубы, выдавил он. – Книга!

Звук эхом разнесся под сводами. Силуэт обернулся. В этот миг сработал таймер на часах Уго. Все лампочки мгновенно погасли. В помещении стало темно.

– Бегите! – крикнул в пространство Уго.

Я помчался через тьму, ориентируясь на полоску аварийного освещения под стальной дверью. Позади меня что-то задвигалось. Я слышал стук шагов, потом пронзительный механический визг.

Сигнализация.

– Уходите! – крикнул Уго. – Она у меня!

Я метнулся в коридор и побежал к лифту. Пока я лихорадочно давил кнопку, появился Уго с Диатессароном в руках.

– Поторопитесь! – крикнул Уго. – Он идет!

Двери открылись, и мы устремились внутрь. Те несколько секунд, пока они снова не закрылись, я смотрел наружу, замерев от потрясения, и ждал, что появится незнакомец.

Но под сводами было тихо. Никто не вышел.

Пока кабина лифта поднималась, Уго с закрытыми глазами бережно держал книгу на руках.

– Кто это был? – спросил я.

– Понятия не имею.

– Надо рассказать моему дяде.

Но наверху нас ждали жандармы. Меня и Уго взяли под стражу. Через час нас приехал

освободить дон Диего.

– Что-что вы обнаружили внизу? – переспросил дядя Лучо, когда мы вернулись в его дворец.

По зрелом размышлении, ответ Уго, возможно, спас его шкуру.

– Ваше преосвященство, – сказал он, возлагая манускрипт на стол Лучо, – я обнаружил пятое Евангелие. И собираюсь использовать его для аутентификации Туринской плащаницы.

Никогда не видел, чтобы дядя так быстро позабыл о своем гневе.

– Рассказывайте, – велел он.

Только потом мы присоединили к общей картине второе неожиданное событие той ночи: жандармы не нашли в крипте еще одного человека.

– Кто это был? – спрашивал я потом Уго.

– Если б я знал, – ответил он. – Я не видел его лица.

– Но голос! Он не был вам знаком?

– Странное дело, – нахмурился Уго. – Раз уж вы спросили: на самом деле то же самое я хотел спросить у вас!

Возвращаясь на лифте с верхнего этажа, где находилась квартира Лучо, я не мог отделаться от мысли о священнике в подвале библиотеки. Удивительно, почему дядя не мог закончить выставку Уго без помощи Симона. Удивительно, почему Уго хотел держать финал в секрете. Наверняка он что-то не хотел показывать никому.

Петрос потянул меня за сутану.

– Когда Симон вернется? – жалобно спросил он.

– Не знаю. Сейчас он должен помогать prozio^[9] Лучо. А нам надо заселиться в «Казу».

– Зачем?

Я наклонился, чтобы взглянуть в его глаза.

– Петрос, нам нельзя домой.

– Из-за полиции?

– Просто несколько дней все будет немножко по-другому. Договорились?

«По-другому». Он знал это слово. Благовидная замена слову «хуже».

«Каза Санта Мария» – единственная гостиница Ватикана. Там его святейшество размещает официальных гостей, в ней останавливаются епископы во время визитов к папе, которые им предписано совершать каждые пять лет. Она же и дом для священников секретариата, разъезжающих по делам. Если бы у Симона не было семьи в городе, он жил бы здесь.

В своей простоте здание приближается к амишскому^[10] стилю, с шестью рядами одинаковых окон и сотней с лишним комнат внутри, каждая чуть побольше монастырской кельи. По одну сторону окна выходят на Ватиканскую заправочную станцию. Из окон с другой стороны постояльцы могут разглядывать взмывающую вверх пограничную стену, которая проходит на расстоянии вытянутой руки от отеля. Так же выглядят все строительные проекты Иоанна Павла. Единственные элементы роскоши, заботящие папу, которому в оккупированной нацистами Польше приходилось копать известняк, – это четыре стены и крыша.

Монахиня за стойкой администратора с извиняющимся видом сообщила, что они пока не могут предоставить нам номер, поскольку часть гостиницы, отведенную специально для нас, еще убирают. Похоже, она не слышала, что мода на отдельные гетто для религиозных меньшинств закончилась, еще когда Иоанн Павел работал в каменоломне. Я объяснил, что нам подойдет любой свободный номер. Она оценила взглядом мою сутану и бороду и ответила:

– Святой отец, вы очень хорошо говорите по-итальянски!

Я потащил Петроса на улицу, прежде чем успел сказать что-нибудь такое, о чем впоследствии пожалел бы.

– А теперь куда мы идем? – спросил сын. – Можно нам чего-нибудь поесть?

Я так и не накормил его нормальным завтраком. Разве что София его чем-то угостила, еще у Лео...

– Скоро, – пообещал я ему. – Но сначала нам нужно сделать кое-что очень важное.

Я не приходил в квартиру Уго уже несколько недель. Когда мы молча встали перед дверью, Петрос посмотрел на меня, удивляясь, почему не стучим. Он не видел того, что увидел я. На двери были следы лома.

Кто-то пытался влезть в квартиру, но Уго добавил к основному еще и пару висячих замков. В отличие от двери нашей квартиры, эта не поддавалась.

Я отпер ее ключами, которые отдал мне Уго, чтобы я присматривал за квартирой, пока он в Турции. Петрос помчался внутрь, и я бросился его догонять, но внутри никого не было. Квартира выглядела так же, как в мой последний визит.

– Доктор Ногара? – протяжно позвал Петрос.

– Его здесь нет, – сказал я. – Мы просто ищем одну вещь, которая ему принадлежит.

Будет еще время объяснить. Петроса я попросил посидеть в гостиной, пока не вернусь. Неизвестно, какие эмоции на меня здесь нахлынут.

Скромное ложе, где спал Уго Ногара, отгораживали восточные ширмы. Импровизированную спальню наполняла особая грусть, которая свойственна этой стране. Священников призывают не накапливать материальных благ, так что клирик даже самых изысканных привычек обычно живет в безликой комнате со взятой напрокат мебелью. У римско-католических священников дело обстоит еще хуже. Стен не оживят одинокие фотографии, без жен и детей. На полу не валяются резиновые игрушки и башмачки размером с кулак. Шкафы стоят словно полуголодные, из них не выпирают ни разноцветные курточки, ни миниатюрные зонтики. Вместо этого католические священники хранят вырезки из газет и открытки с известными местами, которые они посещали как туристы или как паломники во время положенных им недель отпуска. С Уго как мирянином дело должно было обстоять иначе. Но, глядя на его комнату, никто бы об этом не догадался.

В мусорном ведре скопились бутылки из-под граппы «Юлия». На фотографиях не было и следа простых человеческих радостей, одни монументы из Эдессы, и без Уго на переднем плане. Единственный признак, что здесь некогда обитала живая, энергичная душа, – книги, горой наваленные на столе, от которого отодвинули стул. Казалось, что увлеченный работой Уго отошел на секунду открыть дверь и вот-вот вернется. Под столом я различил скругленные края железного сейфа.

Но прежде чем наклониться к нему, я закрыл глаза и почувствовал, как меня тянет знакомое чувство. Такое же ощущение жизни, тепло неоконченного дела оставил после себя отец.

Открыв глаза, я увидел пробковую доску, которую Уго повесил на стену. На доску же приколол составленную им схему. Она напоминала кадуцей: две змеевидные линии, переплетенные одна вокруг другой. Одна была подписана «Добрый пастырь», вторая – «Агнец Божий». Около каждой петли приводились евангельские цитаты.

Эти слова потрясли меня, они словно пробили во мне пустоту. Первый раз, когда Иисус появляется в Евангелии от Иоанна, Он называется Агнцем Божиим. Ни одно другое Евангелие так не называет Иисуса, но смысл выражения очевиден. Во времена Моисея, в конце Десяти казней египетских, Бог защитил иудеев от Ангела смерти, велел им заколоть агнца и помазать его кровью каждую дверь, которую ангел должен был миновать. Позже Бог спасал свой народ при помощи нового Агнца: Иисуса. Своей смертью Иисус спас нас в духовной жизни. Здесь Иоанн добавляет вторую метафору. Его Иисус говорит: «Я есмь пастырь добрый: добрый пастырь полагает жизнь свою за овец». Пастух упомянут и в других

Евангелиях, как символическая фигура, которому в радость спасение потерянных овец, но у Иоанна Добрый пастырь другой. Он спасает свое стадо, умирая. Жуткая схема. Леденящая душу. Агнец и Пастух встречаются в смерти. Умирает один человек, чтобы остальные могли жить. Мне показалось зловещим предзнаменованием, что эта мысль занимала Уго как раз перед смертью. Вспомнилось электронное письмо, которое он мне послал. Уго просил о помощи, а я не протянул ему руку.

Я слышал, как Петрос на кухне роется в холодильнике в поисках еды, но не нашел в себе сил велеть ему прекратить. Много лет назад Мона вернулась домой и рассказала, что в гериатрической палате умер старик. Она страшно страдала и почему-то винила себя. Неправильно прописанное лекарство. Неудачное вмешательство. Но ни один человек во время смены моей жены не умер оттого, что просил ее о помощи, а она отказала.

Я опустил в кресло Уго. И вдруг услышал крик. Петрос!

– Что случилось? – Я рванулся на кухню.

Сына не было.

– Петрос! – заорал я. – Ты где?

Из-за дальней ширмы высунулась голова.

– Смотри! – воскликнул Петрос.

Я обессиленно опустил рядом с ним, не зная, что думать. За ширмой скрывалось большое западное окно, выходящее на библиотечный дворик. Петрос стоял у окна, держа кусок сала из холодильника.

– На что смотреть? – спросил я.

Он показал на пол. Там клевала принесенное Петросом сало маленькая птичка. Скворец.

– Взял и внутрь залетел! – торжествующе сказал Петрос.

Но он лгал. Ручка на раме была повернута. Окно он открывал сам.

– Закрой, – сурово сказал я, чувствуя близость чего-то ужасного, которого едва удалось избежать. – Никогда больше так не делай!

До каменного двора – тридцать футов вниз. Меня трясло от этой мысли.

– Я не открывал! – сердито возразил Петрос.

И, привстав на цыпочки, поднял руку, чтобы доказать. До ручки он не дотягивался на несколько дюймов.

Тут я заметил, что под ногами сына лежат осколки стекла. Окно около ручки оказалось разбито.

– Это птичка сделала? – спросил я.

Но ответ уже знал и сам.

– Нет, – сердито сказал Петрос. – Уже было разбито.

Передняя дверь не поддавалась, когда ее взламывали. Значит, кто-то проник в квартиру через окно.

Я снова глянул на виднеющийся внизу дворик. Тридцать футов. Не представляю, как это можно сделать.

– Стой, где стоишь, – велел я Петросу. – И ничего не трогай!

Вернувшись в комнату, я понял. Не Уго оставил беспорядок на этом столе. И стул отодвинут не просто так.

Присев, я увидел на железном сейфе следы взлома.

Правда, против такого сейфа ни у одного лома не было шансов. Он весил как человек и

прикручивался к полу.

Шифром служил стих из Библии, которым Иисус провозглашал институт папства: первое Евангелие, шестнадцатая глава, восемнадцатый стих. «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Механизм поизносился, но по-прежнему работал мягко, а петли поворачивались без звука. Уго купил сейф, чтобы сохранить в безопасности манускрипты для своей выставки, и он хозяина не подвел.

Внутри все было знакомо. Два месяца назад Уго застрял в Турции и велел мне запереть в сейф манускрипты, которые ему пока не нужны. Остатки, всякая малозначительная мелочь. Но сейчас в коллекции появилась новая драгоценность – дешевый блокнот с обложкой из искусственной кожи, который Уго повсюду носил с собой. Я подумал, а не его ли искал взломщик: дневник с результатами исследований?

Когда я открыл блокнот, оттуда выскользнула фотография. Я посмотрел на нее, и все внутри сжалось. Человек на фото лежал на мозаичном полу. Судя по всему, он был мертв.

Священник. Римский католик средних лет, с тонкими темными волосами и прозрачным зеленым глазом. Ему сломали нос. На месте левого глаза вздулся черный бугор с прорезью, как у копилки. Нижнюю челюсть заливала кровь. Своим телом он прижимал табличку, словно его швырнули на нее сверху. Надпись на табличке была на незнакомом мне языке. «PRELUARE BAGAJE». Только слабый проблеск жизни в зеленом глазу позволял утверждать, что человек не умер, просто сильно избит. На обратной стороне фотографии кто-то написал:

«Смотри, кому доверяешь».

Мне стало дурно. Воздух загудел.

– Петрос! – крикнул я.

Потом положил фото обратно в дневник и снял с пробковой доски схему, которую составил Уго.

– Петрос, мы уходим!

Я закрыл сейф. Запер. Но дневник отправился ко мне в сутану. Сюда мы больше не вернемся.

Петрос ждал за ширмой.

– Babbo, что случилось? – спросил он, продолжая сжимать в руке сало.

Я взял его на руки и понес к двери. Про фотографию рассказывать не стал. Не стал говорить, что узнал окровавленного священника.

На лестнице какой-то незнакомец разговаривал с жандармом. Услышав звук запираемого замка квартиры Уго, он поднял глаза, но мы уже бежали вниз по другой лестнице. Старые крылья дворца сплошь пронизаны потайными проходами.

– Что мы делаем? – спросил Петрос.

Он был еще слишком мал, чтобы знать эти черные ходы, но понимал: происходит что-то неладное.

– Скоро выберемся на улицу, – пообещал я.

Винтовая лестница была узкой и неосвещенной. В темноте ко мне вернулся образ священника, перепачканного кровью. Я много лет не видел его лица. Майкл Блэк, бывший помощник моего отца. Еще один человек из секретариата.

Петрос пробормотал что-то неразборчивое, но я слишком погрузился в мысли, чтобы попросить его повторить.

Значит, Уго – не первая жертва. Остался ли Майкл в живых?

Петрос нетерпеливо стукнул меня в грудь.

– Ну что еще? – спросил я.

– Я говорю, зачем дядя за нами идет?

Я похолодел. В тесном цилиндре лестничной клетки слышались шаги.

Я пошел быстрее, но и шаги ускорились. С ребенком на руках скорости не прибавишь. Петрос крепко обхватил меня за шею, вжавшись в плечо.

Из мрака возникла фигура. Силуэт человека, почти такого же высокого, как Симон. Одет он был по-светски.

– Кто вы? – спросил я, отступив назад.

В темноте глаза неизвестного сверкали двумя серебряными звездами.

– Святой отец, – резким голосом сказал он, – что вы здесь делаете?

Его лицо было мне совершенно незнакомо.

– Почему вы преследуете нас? – спросил я.

– Потому что у меня приказ.

Я сделал еще шаг назад. Всего десять футов, и мы окажемся в людном месте.

Незнакомец развел руки и уперся в стены лестничного колодца.

– Отец Андреу? – спросил он.

Петрос съежился. Я не ответил.

Незнакомец полез в карман, и я попятился. Но потом увидел, что на предмете, который он достал, изображены две металлические лавровые ветви вокруг желто-белого флага Ватикана.

Служебный жетон!

– Я ваша охрана, – сказал незнакомец.

– Как давно вы за нами идете? – спросил я.

– С тех пор, как вы покинули «Казу».

– Почему вы не в форме?

– Таков приказ, исходящий от его преосвященства.

Интересно, Лучо так распорядился ради Петроса? Чтобы меньше его пугать?

– Назовите ваше имя, – попросил я.

– Агент Мартелли.

– Агент Мартелли, в следующий раз, когда будете за нами следить, наденьте форму.

– Слушаюсь, святой отец, – ухмыльнулся он.

– Ночью тоже вы нас охраняете?

– В ту смену будет работать кто-то другой, святой отец.

– Кто?

– Я не знаю его имени.

– Передайте ему, чтобы он тоже надел форму.

– Да, святой отец.

Человек ждал, и казалось, будто я тяну время, чтобы не отвечать на его вопрос: почему мы оказались в квартире Уго? Но в этих стенах священники не отчитываются перед полицейскими. Мы с Петросом повернулись и стали спускаться к свету.

В «Казе» мы остановились в люксе на четвертом этаже. Петрос, который раньше никогда не жил в гостинице, спросил: «А где все остальное?» Ни кухни, ни гостиной, ни игрушек. Мальчики из нашего дома рассказывали ему, что гостиницы – настоящий рай. Но это же не рай. Тут же нет телевизора.

Над узкой металлической кроватью висело простое распятие. Паркетный пол, отполированный, как ботинки секретариатского священника, отражал безликие белые стены. Помимо тумбочки у кровати и вешалки, которая больше годилась для одеяния римско-католического священника, чем для любой традиционной одежды, в комнате имелся только радиатор под окном. Правда, окно выходило на маленький внутренний дворик этого здания причудливых очертаний, и под ним стояли керамические ящики для цветов и дерево в кадке, с затейливыми ветвями и острыми листьями, напоминающими зеленые рождественские звезды. В воздухе пахло лавандой.

– Кто этот дядя? – спросил Петрос и вспрыгнул на кровать в ботинках – опробовать единственную подушку.

– Полицейский, – ответил я. – Он следит, чтобы мы были в безопасности.

Не имело смысла дальше скрывать: сопровождать нас станут круглые сутки.

– А здесь нам безопасно? – спросил Петрос, обшаривая внутренности тумбочки.

– В соседнем доме – полицейский участок. Агент Мартелли сторожит в холле. И здесь все стараются получше заботиться о постояльцах. Мы в полной безопасности!

Он нахмурился, увидев в верхнем ящике Библию. То была Вульгата, перевод четвертого века, который римские католики считают эталонным. Написанная на латыни, она предназначалась для людей всех наций, так же как и эта гостиница. Но Петрос вздохнул. Он знал, что евангелисты писали по-гречески, на первом международном языке. Вклад нашего народа всегда недооценивали.

– Позвоню Лео и попрошу принести нам еды, – сказал я; здесь можно побыть в уединении, в отличие от обеденного зала, а вместе с Лео веселее. – Что будешь?

– Пиццу «Маргарита» от Иво, – сказал Петрос.

– Он не продает навынос.

– Тогда все равно, – пожал плечами Петрос.

Оставив его изучать Библию, которую он не мог прочитать, я пошел к небольшому рабочему столу в соседней комнате. Поговорил с Лео, после чего собрался с духом и следующий звонок сделал Симону.

– Алекс? – удивился брат.

– Что случилось с Майклом Блэком? – в лоб спросил я.

– Чего?!

– В кабинете Уго я нашел фотографию. Он еще жив?

– Да. Конечно.

– Что они с ним сделали?

– Алекс, не надо было туда ходить. Тебе необходимо оставаться в безопасности.

– На обратной стороне фотографии написано предостережение. Зачем кто-то отправил Уго предостережение? Из-за выставки?

– Не знаю.

– Он тебе никогда об этом не говорил?

– Нет.

– Симон, я думаю, вчера ночью его не грабили. Мне кажется, все взаимосвязано. То, что произошло с Майклом; то, что произошло с Уго; то, что произошло у нас в квартире. Почему ты не сказал, что на Майкла нападали?

На этот раз его молчание затянулось.

– Вчера вечером в столовой, – продолжил я, – когда я показал тебе мейл от Уго, ты

сказал, он вряд ли имел в виду что-то важное.

– Там и не было ничего важного.

– Сим, Уго был в беде. Он боялся.

– Причина, по которой я не сказал тебе о Майкле, – неохотно начал Симон, – состоит в том, что я связан присягой о неразглашении. А то, что случилось в квартире... Я вчера всю ночь напролет думал, но так и не понял. Поэтому прошу тебя, держись от этого подальше. Мне не хочется, чтобы ты ввязывался в такие дела.

Глаза ломило от давления. Я бессознательно теребил бороду.

– Ты знал, что он в беде?

– Алекс, перестань.

Я еле удержался, чтобы не накричать, и дал отбой.

Присяга... Он ничего не сказал из-за присяги!

Разозленный, я набрал главный номер нунциатуры в Турции. Звонок дорогой, но я недолго.

Мне ответила монахиня у коммутатора, и я спросил Майкла Блэка.

– Он в отъезде, – сказала она.

– Я звоню из Ватикана по важному делу. Не могли бы вы дать его мобильный телефон?

Она без колебаний продиктовала мне цифры.

Прежде чем позвонить, я попытался привести в порядок мысли. С последнего разговора с Майклом прошло более десяти лет, и между нами образовалось целое кладбище зарытых топоров войны. Он отвернулся от моего отца после скандала с радиоуглеродной датировкой плащаницы. Еще он донес, что Симон уехал, не взяв на работе отпуска. И все же было время, когда я знал его лучше, чем любого другого священника, за исключением отца. Когда я доверял ему больше, чем всем остальным. Именно о таком Майкле я старался думать, набирая номер.

– Pronto! – ответили на другом конце.

– Это Майкл?

– А кто говорит?

– Алекс Андреу.

Молчание было таким долгим, что я испугался, как бы на этом все не закончилось.

– Майкл, – сказал я, – мне надо с вами кое о чем поговорить. Лично, если возможно. Где вы находитесь?

– Это не ваше дело.

Его голос почти не изменился. Сухой, резкий и нетерпеливый. Но растянутый американский акцент, который когда-то сильно выделялся, сгладили десятилетия практики, отчего стало легче услышать защитную реакцию, спрятанную за грубыми словами. Услышать, как он мучительно пытается сообразить, зачем я звоню.

Я рассказал о фотографии, но он не ответил.

– Прошу вас, – сказал я, – мне необходимо знать, кто на вас напал.

– Не. Ваше. Дело.

Тогда я наконец сообщил ему, что убит человек.

– Какой еще человек?

Говорить об Уго оказалось неожиданно тяжело. Я попытался быть краток – сказал, что он был ватиканским куратором, готовил выставку, которая скоро откроется. Майкл наверняка услышал, как в моем голосе растет взволнованность. Он ждал.

– Он был моим другом, – сказал я.

На какое-то мгновение Майкл смягчился.

– Кто бы это ни сделал, – сказал он, – от души надеюсь, что его поймают. – И снова в его голос вернулась резкость. – Но я не собираюсь рассказывать о случившемся со мной. Вам придется расспросить кого-то другого.

Я не вполне понял, содержится ли в словах намек.

– Я уже спросил у брата, – сообщил я Майклу. – Симон связан присягой не рассказывать об этом.

Майкл насмешливо фыркнул. Видимо, между ними до сих пор сохранилась вражда. Или, может, это остатки более старых разладов. Например, воспоминания о том, как он расстался с моим отцом.

– Прошу вас, – повторил я. – Мне не важно, что случилось до того...

– Вам не важно? – заорал он. – Мне сломали глазницу! Мне пришлось восстанавливать нос!

– Я хотел сказать, не важно, что произошло между вами и Симоном. Или моим отцом. Я только хочу знать, кто это сделал.

– Вы невозможный народ! Я как будто с вашим отцом разговариваю. Вы, греки, – вечные жертвы. Это он разрушил мою карьеру!

«Вы, народ. Вы, греки». Я еле удержался от гневной отповеди.

– Прошу вас, скажите мне, что произошло.

Он тяжело дышал в трубку.

– Не могу. Я тоже связан присягой.

Внутри меня что-то щелкнуло.

– Мой пятилетний сын не может спать в своей постели из-за того, что вы принесли присягу!

Присяги. Лучшие друзья чиновника. Что делает кабинетный епископ, желая скрыть свои ошибки? Приводит священников-подчиненных к присяге, заставляя соблюдать секретность.

– Знаете что? – сказал я. – Забудьте. Хорошего отпуска.

Я уже положил палец на кнопку, чтобы закончить разговор, когда Майкл закричал:

– Ты, урод, да меня мой нунций уже замордовал, за то что я не могу ответить на его вопросы! Только тебя еще не хватало! Если хотите знать, что произошло, пойдите и спросите у его святейшества!

– У его святейшества? – осекся я.

– Да. Это он приказал.

Майкл огорошил меня. Так вот почему Симон мне ничего не рассказал. Есть присяга и присяга.

Но меня грызло неприятное чувство. Какие могут быть причины у Иоанна Павла замалчивать подобные события?!

– Майкл, я...

Но не успел я договорить, как телефон замолчал.

Через мгновение в дверь постучали. На пороге стоял Лео с корзиной еды.

– Что это там за тип? – тихо спросил с порога, кивнув в сторону агента Мартелли, который ошивался на площадке в нескольких футах от двери.

– Группа личной охраны, приставленная к нам моим дядюшкой.

Лео хотел отпустить какое-то пренебрежительное замечание (швейцарская гвардия и

жандармы – старые соперники), но придержал язык. Вместо этого он вытащил из корзины глиняное блюдо и сказал:

– От жены.

Я думал, он прихватит еду снизу, из ресторана, а София сама приготовила нам обед.

– Как держится маленький Пи? – спросил Лео.

– Боится.

– До сих пор? Я думал, дети быстро восстанавливаются.

Да, отцовство сулило ему еще много сюрпризов.

Я принес еду Петросу в спальню и обнаружил, что сын заснул. Осенние дни были теплыми, но я все же натянул на него одеяло и закрыл деревянные ставни. В комнате воцарился полумрак, почти темнота.

– Пошли, – прошептал Лео, протягивая мне тарелку. – Там поговорим.

Но только мы сели, как затрезвонил мой мобильный. На том конце раздался знакомый грубый голос.

– Алекс, это опять Майкл. Я размышлял о том, что вы сказали.

Его голос звучал по-другому. Более нервно.

– Я не знал, что у вас ребенок, – продолжал он. – Есть вещи, которые вам нужно услышать.

– Расскажите.

– Идите к телефону-автомату за городскими стенами, около вокзала.

– Мы в безопасности. Это мой мобильный.

В нашей стране царит неистовый страх, что телефонные линии прослушиваются. Некоторые люди из секретариата вообще не пользуются телефонами – только назначают по ним личные встречи.

– Я не доверяю вашим представлениям о безопасности, – сказал Майкл. – Идите к будке на виа делла Стационе Ватикана. Она стоит около рекламного щита рядом с заправкой. Позвоню вам туда через двадцать минут.

Место, которое он описывал, находилось сразу за «Казой». Я мог там оказаться не через двадцать, а через пять минут. Повернувшись к Лео, я беззвучно спросил: «Можешь немного побыть с Петросом?»

Он кивнул, и я ответил в трубку:

– Отлично, буду ждать.

Заправка оказалась развалюхой с разрисованными граффити стенами и металлическими решетками в оконных проемах. На рекламном щите женщина с грудями, как два футбольных мяча, рекламировала телефонные услуги. Мусорный бак глазел на нее с другой стороны улицы из-под полуприкрытых век. Отсюда я мог разглядеть над ватиканской стеной задний фасад «Казы» и возвышающийся над ним купол собора Святого Петра. Но мой взгляд остановился не на них, а на уходящих вдаль железнодорожных рельсах.

Мы с Симоном любили смотреть, как на вокзал Ватикана прибывают и отправляются товарные поезда. Вместо вагонов с углем или зерном они везли деловые костюмы для нашего супермаркета, или мрамор для строительных проектов Лучо, или вакцины для миссионеров в далеких странах. Когда мне было двенадцать, Гвидо Канали попытался украсть из вагона коробку наручных часов и в конце концов опрокинул на себя два ряда ящиков. На ящиках было написано: «Только для его высокопреосвященства», и поэтому мальчишки не хотели их

касаться, даже ради того, чтобы освободить Гвидо. Только Симон стащил их, по сто фунтов каждый. Красные апельсины – вот что оказалось на платформе. Красные апельсины, разбитые, как пасхальные яйца. Апельсины, которые прислал Иоанну Павлу монастырь на Сицилии. Вот из-за чего чуть не погиб Гвидо.

Неужели Симон из той ночи жил сейчас только в моей памяти? Неужели секретариат выдрессировал его так, что прошлый Симон исчез? Присяга – весомая вещь для любого католика; по церковному праву за нарушение присяги могут последовать наказания. Но даже у Майкла Блэка есть сердце, способное сделать исключение.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Зоопарк в Риме. *(Здесь и далее – примечания переводчика.)*

АЛЛО (*ит.*).

Папочка (*ит.*).

Район Рима.

Программа избавления от алкогольной зависимости.

Платок со вшитой частицей мощей, которым покрывается алтарь.

С этого слова начинается «Илиада» Гомера.

«Дом» (*ит.*).

Дядя отца или матери (*ит.*).

Амиши – христианское течение, отличающееся строгостью и консерватизмом.